
YANA BONDAR
ОСКОЛКИ КУПОЛА

Яна Бондар

Осколки купола. Часть 1.

https://litres.ru/74712664
SelfPub; 2026

Аннотация

Два мира, разделенные стеной и пропастью в правах. Технологии, свет и достаток — для тех, кто наверху. Выживание, трущобы и голод — для тех, кто внизу.

Элизабет всю жизнь принадлежала к привилегированной элите, пока собственная семья не приговорила её к смерти. Безжалостный механизм Совета Управления сбрасывает её на самое дно — в смертоносную мясорубку закрытого испытания.

Теперь ей предстоит узнать, какая правда скрывается за глянцевым фасадом, и на что способен человек, которому больше нечего терять. Когда рухнут последние иллюзии, Элизабет сделает выбор, способный уничтожить всю систему.

Первая часть дилогии. Вторая книга уже в процессе написания.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	18
Глава 3.	23
Глава 4.	40
Глава 5	46
Глава 6.	57
Глава 7.	63
Глава 8.	70
Глава 9.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Яна Бондар
Осколки купола. Часть 1.

Пролог.

Сто сорок восемь лет назад небо над Землей раскололось пополам.

Ядерный апокалипсис, разразившийся в безумной вспышке амбиций старого мира, стер с лица земли города, континенты и саму историю. Спастись удалось лишь немногим. Люди из разных социальных слоев - перепуганные ученые, политики, инженеры и простые рабочие - успели укрыться в глубоком подземном бункере. И там им удалось пережить долгие годы ядерной зимы.

Когда спустя десятилетия тяжелые люки наконец отворились, надежда рухнула быстрее, чем рассеялась радиоактивная пыль.

Земля была мертва. Воздух фонил, экосистема оказалась уничтожена, а почва превратилась в отравленную пустыню. Планета оставалась непригодной для жизни. Выжившие поняли: если они не хотят сгнить в железобетонных могильниках, им придется бросить вызов самой смерти.

Тогда лучшие умы выжившего человечества - инженеры, генетики и технологические магнаты - объединили усилия,

чтобы сотворить невозможное. Кровью и потом они возвели гигантский защитный энергетический купол, не пропускающий радиацию. Он должен был стать ковчегом, щитом от смертоносной радиации и последним бастионом цивилизации.

Но идеальные ковчеги не строятся на справедливости и равенстве.

Шли десятки лет, и человеческая природа брала свое. Спасительный Купол разделился на два неравных мира. Те, у кого изначально были власть и технологии, обосновались в Верхнем Куполе - в стабильности, сытости и процветании. А всех неугодных - включая бунтарей, изгоев и тех, кто оказался «лишним» в расчетах нового управления, - оставили выживать в Нижнем Куполе.

Глава 1.

В нас должен быть опыт всего человечества.
Жаль, что вместе с ним мы получили и его безумие.
12 августа 148 год Новой Эры.

Верхний Купол пах так, как пахнет стерильное хирургическое отделение сразу после генеральной уборки - озоном, дорогим увлажнителем и абсолютной, звенящей тишиной. Здесь никогда не пахло землей, пылью, сыростью или человеческим потом. Все ароматы были синтезированы и запущены в системы вентиляции по всей части мегаполиса в соответствии со строгим регламентом Совета Управления.

Я стояла у панорамного окна своей спальни, прижавшись лбом к прохладному стеклу. За трехслойным бронированным стеклом толщиной в полметра простирался наш безупречный мир. Мир, в котором не существовало случайных людей, запыленных углов и несанкционированных звуков. Всё здесь подчинялось строгим этическим и архитектурным канонам: симметричные фасады зданий из матового белого композита, идеально ровные линии прогулочных аллей, многоуровневые транспортные развязки по которым ездил личный и общественный транспорт, и люди - всегда безупречно одетые, с дежурными, выверенными по миллиметру улыбками на лицах.

Утро в Верхнем Куполе начиналось абсолютно одинаково. Голографический ассистент, встроенный в интерьер комнаты, мягким, бархатным баритоном зачитывал прогноз стабильности сектора: «*Уровень безопасности - сто процентов. Индекс социального благополучия - максимальный*».Я знала наизусть каждую трещину, которой на самом деле не существовало, каждый блик искусственного солнца на зеркальной поверхности противоположного небоскреба. Мне исполнилось семнадцать лет, и всю свою сознательную жизнь я провела в этом мире, где искренность давно считалась дурным тоном, а любые проявления подлинных, неконтролируемых эмоций в обществе - опасным отклонением.

Особенно остро эта фальшь стала ощущаться после гибели матери. Прошло чуть больше полугода с той страшной ночи, когда Совет управления подавил попытку вооруженного переворота в нижних секторах.Официальная версия звучала сухо: «*Трагическая случайность в результате локального технологического сбоя и атаки диверсантов из неконтролируемой зоны*». Но я отчетливо помнила бледное, искаженное глухим ужасом лицо отца, вернувшегося тогда с заседания Совета Управления, и то, как отчаянно и тихо плакала в своей комнате моя пожилая гувернантка, прежде чем ее внезапно «перевели на другую работу» - так на бюрократическом языке Верхнего Купола называлось бесследное исчезновение неугодных людей.Мать погибла.Официально - защищая порядок. Неофициально - на ум приходили страш-

ные догадки, которые я отрицала всем нутром, но чувствовала, что за этой гладкой, лакированной ложью скрывается зияющая, черная пропасть.

С тех пор в огромном, гулком особняке мы остались вдвоем с отцом - полноправным членом Совета Управления, человеком, чье лицо за последние месяцы превратилось в маску из уставшей, тяжелой сосредоточенности. Он вечно пропадал на закрытых заседаниях, погруженный в работу, составлял графики распределения ресурсов и поддержания «неприкосновенности» нашего мира.

Я глубоко вздохнула, отпрянула от стекла и, накинув на плечи мягкий кардиган цвета слоновой кости, решительно вышла в длинный коридор. Полы здесь были выложены светлым полированным керамогранитом, отражающим мягкие светодиодные панели на потолке. Звук моих шагов отзывался эхом в пустом коридоре. Я направлялась в кабинет отца - святая святых, место, куда мне категорически, под страхом лишения привилегий, запрещалось заходить во время его отсутствия. Но сегодня внутри меня всё настойчивее зудело странное, тревожное предчувствие, заставляющее сердце биться быстрее. Минуло ровно шесть месяцев со дня смерти матери.

Тяжелая дверь кабинета бесшумно и плавно скользнула в стену, стоило моему силуэту приблизиться к сенсорному сканеру. Внутри царил тот же строгий порядок: массивный стол из темного полимерного дерева, имитирующего редкие

породы земного дуба, ряды включенных в спящем режиме голографических терминалов, встроенные панели управления и глубокие кожаные кресла. Воздух здесь пах дорогим табаком и старой бумагой - что считалось невероятной, почти неприличной роскошью в наше время.

Отец отсутствовал. Над его главным рабочим терминалом лениво мерцал незакрытый процесс фоновых задач. Я подошла ближе, чувствуя, как от волнения ладони становятся влажными. Мне не хотелось шпионить - по крайней мере, я пыталась убедить в этом себя. Мои пальцы, привыкшие к работе с этими экранами в академии, сами собой зависли над сенсорной панелью, вводя стандартный пароль на активацию меню, которым отец иногда разрешал пользоваться для написания рефератов.

Система моргнула. Привычный успокаивающий синий свет интерфейса мгновенно сменился на багровый оттенок, информирующий о доступе повышенной секретности.

На голографическом дисплее развернулись папки с огромным количеством файлов. Это были не скучные финансовые отчеты Совета и не графики распределения ресурсов, которые я видела ранее. Это оказались отчеты разведывательных групп, датированные этими месяцами. Открыла последний файл за вчерашний день.

Я впилась глазами в светящиеся строки, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

«*Внешняя зона изоляции: запериметровая территория в*

радиусе ста пятидесяти километров от Нижнего Купола, включая прилегающие промышленные сектора Старого мира. Уровень биологической активности: аномально высокий. Зафиксирована стабильная экосистема естественного типа. Почва пригодна для органического земледелия без химической нейтрализации. Следы автономной жизнедеятельности человека: обнаружены палаточные поселения, постоянные жилые модули, мастерские по кустарной переработке пластика и металла, разветвленная сеть стихийной торговли и культурного взаимодействия»

Ниже шли визуальные файлы высокого разрешения. Я затаила дыхание, дрожащими пальцами разворачивая изображения во весь экран. Там не было выжженной, радиоактивной, мертвой пустоши, о которой детям Верхнего и Нижнего Купола с самого раннего детства рассказывали на уроках истории, пугая их «токсичным внешним миром, где не может выжить ни одно живое существо».

На снимках четко, до мельчайших деталей виднелись живые люди. Мужчины, женщины, подростки и дети в потертой, но вполне функциональной и удобной одежде. Они двигались, работали, сидели у костров, смеялись, обменивались какими-то предметами на уличных рынках. Там кипела жизнь. Настоящая и дикая, но абсолютно реальная жизнь далеко за пределами наших стен.

В моей груди словно лопнула тугая, натянутая до предела струна. Все эти годы нам бессовестно, системно лгали.

Вся наша вылизанная до блеска жизнь, каждая приветливая улыбка соседей на улице, каждый фальшивый лозунг пропаганды о «единственном уцелевшем очаге человечества» были построены на чудовищной, абсолютной лжи. Зачем? Зачем Совет держал миллионы людей запертыми в голоде, мраке и трущобах Нижнего Купола, а нас самих заставлял верить в смертельную опасность внешнего мира?

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы жгучей ярости. Захотелось немедленно кричать об этом на весь мир, взломать главную трансляционную сеть, вывести этот отчет на экраны каждого жилого сектора, заставить каждого самодовольного обывателя Верхнего Купола увидеть горькую правду. И главное, показать Нижнему Куполу, что есть иная жизнь.

Я схватила свой персональный коммуникатор и дрожащими пальцами принялась набирать номер отца. Гудки шли медленно, мучительно долго, отсчитывая удары моего собственного сердца.

«*Я на совещании Совета управления*», - отразил экран ответ.

Я попыталась снова, увеличивая приоритет вызова, чтобы он понял, насколько это важно. Тот же результат. Он был занят.

В этот момент тяжелые створки дверей кабинета снова бесшумно и плавно разъехались в стороны.

В комнату вошел мой дядя Роберт, брат мамы. На нем был

безупречный, сшитый на заказ черный костюм-тройка с серебряными запонками с эмблемой Совета Управления. Его лицо, обычно мягкое и доброжелательное, сейчас напоминало ледяную маску, а в серых, лишенных всякого тепла глазах читалось не предвещающее ничего хорошего раздражение.

- Элизабет? - голос дяди прозвучал тихо, но от этого спокойного тона по моей спине побежали мурашки. - Что ты здесь делаешь? Тебе прекрасно известно, что тебе сюда нельзя, тем более одной.

Я резко развернулась к нему всем корпусом, судорожно втянув воздух. Экран за спиной все еще ярко транслировал запретные, разоблачающие кадры внешнего мира.

Молчи. Сделай вид, что ничего особенного не произошло, - лихорадочно пронеслось в голове.

Я уже почти заставила себя разжать побелевшие пальцы и опустить глаза, выстраивая спасительную линию защиты, но дядя сделал шаг вперед и повторил уже жестче, вглядываясь в мое лицо:

- Элизабет. Я задал тебе вопрос.

И в этот момент внутри меня что-то окончательно оборвалось. Напускной холод и попытки сыграть в послушную племянницу рассыпались в прах перед лицом чудовищной лжи, которую я только что увидела.

- Вы знали? - мой голос сорвался на звонкий от отчаяния и гнева крик. - Вы знали! Вы все прекрасно знали с самого начала! Там, за куполом, есть жизнь! Обычная, живая, на-

стоящая жизнь! Люди живут, растят детей, работают, пока мы здесь задыхаемся! Зачем вы держите Нижний Купол в нищете? Зачем вы врете всем нам?! Я видела отчет! Я хочу... я расскажу об этом всему городу! Нижний и Верхний Купол должны узнать правду! Вы не имеете права скрывать это!

Дядя не испугался, не удивился и даже не повысил голоса. Он медленно и размеренно подошел к массивному столу. Его шаг был тяжелым и уверенным, как поступь хищника, загнавшего жертву в угол. Взгляд его скользнул по сияющему экрану, а затем остановился на мне. Ни тени раскаяния. Ни капли страха разоблачения.

- Какая же ты еще малышка, Элизабет, - тихо произнес он, и в его ровном голосе не было ни грамма былого тепла. - Ты действительно думаешь, что голой правдой можно размахивать, как плакатом на праздничном параде?

- Где мой отец?! - истерически выкрикнула я, делая инстинктивный шаг назад, ближе к окну. - Позови его немедленно! Он должен узнать, какую мерзость вы здесь творите за закрытыми дверями!

- Твой отец занят гораздо более важными делами - он спасает хрупкую систему, которую ты так легко, по глупости и юношескому максимализму, готова разрушить одним нажатием клавиши, - холодно и безжалостно отрезал дядя.

Он сделал резкий, отточенный жест рукой, активируя протокол тревоги на своем запястье. Яркий свет от электронного браслета отразился в его глазах, лишенных и тени сомне-

ния или неуверенности.

- Элизабет, успокойся и подумай, - его голос неожиданно смягчился, приобретя убаюкивающие нотки. - Тебе действительно нужно это? Ты думаешь, мир за пределами стен ждет тебя с распростертыми объятиями? Когда люди узнают всю правду, начнется не просто паника. Начнется абсолютный, неуправляемый хаос. Система рухнет за считанные часы.

Я отшатнулась от терминала, чувствуя, как пальцы снова сами собой сжимаются в кулаки. Экран с файлами продолжал мерцать перед глазами, подтверждая то, во что мой мозг отказывался верить.

- Вы держите в неведении миллионы людей, дядя, - процедила я, чувствуя, как внутри закипает глухая, злая ярость. - Вы заставляете их верить, что за Куполом - выжженная пустошь и смерть. Но там есть земля, воздух и возможная нормальная жизнь! Зачем вы продолжаете это? У людей должен быть хотя бы выбор!

Роберт тяжело вздохнул, медленно шагнув ко мне. В его движении не было угрозы - была лишь удушающая, давящая уверенность взрослого, который смотрит на меня как на капризного ребенка.

- Неизвестно, есть ли там жизнь на самом деле, Элизабет, - произнес он тише, но веско. - То, что фиксировали разведывательные группы, лишь частично подтверждает то, что мы сможем там выжить. Ты действительно думаешь, что мы держали бы здесь, под куполом, несколько миллионов чело-

век, если бы у Совета была стопроцентная уверенность, что за его пределами можно жить? Мы не садисты, Элизабет. Мы - единственный барьер между человечеством и полным самоуничтожением.

Он сделал шаг ближе, глядя на меня с тяжелым, давящим участием: - Послушай меня. Тебе через несколько месяцев исполнится восемнадцать. Совершеннолетие, новый рубеж, твоя жизнь только начинается, она кардинально изменится. Я прекрасно понимаю тебя и то, что ты сейчас переживаешь. Смерть матери тебя еще не отпустила, ты уязвима, ты ищешь виноватых. Но подумай еще раз.

Дядя протянул руку, словно пытаясь коснуться моего плеча:

- Я не хочу запугивать тебя, я хочу защитить. Не принимай поспешных, фатальных решений. Еще не поздно всё оставить как есть и вернуться к привычной жизни. Элизабет... ты и твой отец дороги мне. Вы моя единственная семья.

Я посмотрела на его протянутую руку - на ту самую, которая наверняка с легкой уверенностью подписывала распоряжения Совета о сокрытии правды. И в этот момент меня прошиб ледяной пот. Я вдруг со страшной отчетливостью поняла, что ждет меня в день восемнадцатилетия. Никакая это не свобода. Это порог, за которым прежняя жизнь стирается без остатка, прохождение плановой «адаптации», после которой люди теряют что-то невидимое, но, казалось, самое главное. Все, кто переступал этот порог, возвращались дру-

гими людьми.

Внутри меня что-то окончательно надломилось, сжигая последние иллюзии.

- Ты защищаешь не меня, Роберт, - ответила я тихо, отступая на шаг назад и глядя на него в упор. - И ты переживаешь вовсе не из-за моей скорби. Ты боишься не того, что за Куполом смерть. Ты боишься того, что там - свобода, и вы больше не сможете жить за чужой счет. Что ты так боишься потерять? Статус? Власть?

Лицо дяди потеряло свою мягкость. Губы скривились в холодной усмешке.

- Твоя мать погибла именно потому, что страдала тем же неизлечимым недугом - задавала слишком много вопросов и проявляла опасную, разрушительную «эмпатию» к тем людям внизу, - чеканя каждое слово, произнес он. - К сожалению, этот дефектный ген передался и тебе. Но мы не можем позволть случиться утечке. Ты сделала выбор.

- О чем ты говоришь?! - я почувствовала, как ледяной, парализующий ужас мгновенно сковывает мне горло, не давая сделать полноценный вдох.

Я попыталась резко броситься к выходу из кабинета, но тяжелые створки дверей мгновенно заблокировались, издав глухой, зловещий щелчок мощных электромагнитных замков.

Дядя даже не сдвинулся с места, лишь наблюдая за моими метаниями с холодным превосходством. Из вентиляционной

панели прямо над моей головой бесшумно вырвалась тонкая, почти невидимая струя усыпляющего газа с резким, едким запахом горького миндаля.

Я успела сделать лишь один судорожный, панический вдох, как ноги мгновенно подкосились. Прохладный пол кабинета качнулся навстречу, а звуки вокруг растворились в давящей тишине. Сквозь пелену угасающего сознания я успела перехватить ответный взгляд дяди. На секунду в нем проскользнула острая, почти отчаянная тревога и глубокое сожаление. А затем он поднес коммуникатор к губам и отдал короткую команду.

Глава 2.

Мы находим себя настоящих лишь в тех, кто нас любит.

18 декабря 147 года Н.Э. Восемь месяцев назад.

Панорамные окна ресторана «Кристалл» выходили на город. Отсюда, с сорок пятого этажа самого высокого здания, весь Верхний Купол казался идеальным. Везде горели аккуратные белые огни, ровные ряды светлых зданий тянулись до самого горизонта, зеленели ухоженные парки и сады на крышах — встроенная система климат-контроля круглый год поддерживала в Верхнем Куполе комфортные двадцать два градуса. Лаконичные вывески сливались в единую атмосферу спокойствия и порядка. Ни одной лишней детали, ни единой соринки - вылизанный до блеска мир. Но стоило взглянуть на дальние окраины, где у стен ютились темные кварталы Нижнего Купола, как внутри поднималась глухая тревога.Но сегодня я старалась об этом не думать.Я вдохнула прохладный воздух и оглядела зал. Рядом сидят самые близкие люди: мама, отец, дядя, одногруппники. Всё вокруг пропитано искренней радостью, звонким смехом и привычным теплом моего уютного мира. Для ощущения абсолютного счастья мне не хватало Дина, но я сразу же отогнала от себя эти мысли. Прошлое не изменить.

За нашим столом гремели бокалы. Мои однокурсники смеялись, обсуждали прошедшие экзамены и дегустировали

блюда, которые подавали официанты в белоснежных сорочках. Рядом сидели родители - мама, как всегда, держала идеальную осанку и мягко улыбалась, а отец тихо переговаривался с дядей.

- Элизабет, милая, - дядя поднялся со своего места и взял из рук официанта неглубокую плетеную корзину. - Я долго думал, чем тебя удивить. В нашем мире почти не осталось вещей, которые были бы тебе недоступны.За столом рассмеялись и стали понимающе кивать. Кто-то шутливо крикнул, что это уж точно.

Дядя улыбнулся и поставил корзину на край стола. Из-под льняной салфетки показалась полностью чёрная мордочка с большими блестящими глазами и острыми ушами. Щенка вытащили на свет, и он тихо тявкнул, перебирая лапами по скатерти.

За столом в одну секунду наступила тишина. Разговоры смолкли.

На весь Купол - на несколько миллионов жителей - настоящих, живых собак оставалось от силы две сотни. Содержание такого животного требовало специального разрешения Совета и огромных налогов.

- Боже мой... - я замерла, и потом аккуратно взяла щенка на руки. Тёплый, плотный ком тут же уткнулся мне прямо в шею. - Дядя, как? Где ты его вообще достал?

- У всех есть свои секреты, - ухмыльнулся он, явно довольный реакцией за столом. - Это доберман. Мальчик. По-

родистый, с чистой родословной.

- Доберман, - повторила я, чувствуя, как щенок шероховатым языком лизнул меня в подбородок. - Будет Мирай.

- Серьёзное имя для такого малыша, - улыбнулась мама. - Но ему подходит.

Праздник продолжился. Гости подходили с подарками, гладили Мирая, который уже уютно устроился у меня на руках и любопытно крутил головой.

В середине вечера к столу подошла Нора. Одногруппница поставила передо мной небольшую коробку в серебряной обертке.

- С днем рождения, Лиз, - сказала она. Голос звучал ровно, но как-то слишком тихо для нашего шумного зала.

- Спасибо, Нора, - я улыбнулась и поднялась, чтобы обнять её.

И именно в этот момент я поймала себя на мысли, что что-то не так.Мы никогда не были лучшими подругами и не делились сокровенным, но всё же оставались хорошими знакомыми.

Нора вернулась с программы адаптации всего пару дней назад - после своего восемнадцатилетия она уезжала в закрытый центр.

Сейчас передо мной стояла совсем другая девушка. Словно после дорогого апгрейда: её волосы лежали идеальным, блестящим полотном, кожа выглядела безупречно гладкой, а фигура и осанка заметно изменились, став более женствен-

ными и собранными. Нора действительно стала намного красивее.

Весь вечер она вела себя странно: почти ничего не ела, а её движения казались непривычно резкими. Она постоянно оглядывалась на входные двери ресторана и вздрагивала каждый раз, когда кто-то из парней смеялся слишком громко. В её глазах не было радости - только какой-то лихорадочный, скрытый страх.

Я наблюдала за ней до самого конца вечера, пока гости не начали расходиться.

Когда однокурсники вышли на террасу, я передала Мирая маме и подошла к Норе, которая стояла одна у края панорамного стекла.

- Нора, подожди, - окликнула я её.

Она резко обернулась.

- А, Лиз. Извини, я уже собиралась вызывать такси.

- Ты в порядке? - я посмотрела ей прямо в глаза. - Ты весь вечер сама не своя. Постоянно оглядываешься. Что-то случилось в центре адаптации?

Нора на секунду замерла. Её пальцы нервно сжали корешок сумочки. На мгновение в её взгляде действительно проскочил настоящий испуг, но она тут же натянула ровную, безупречную улыбку.

- Всё хорошо, правда, - мягко сказала она. - Просто устала после дороги. Там был очень плотный график процедур и занятий. Не переживай, всё отлично.

- Точно? Если тебе нужна помощь или просто надо поговорить…

- Честно, всё отлично, - перебила она меня и быстро обняла на прощание. - Ещё раз с днем рождения. Увидимся в Академии.

Она быстро пошла к выходу, так больше и не встретившись со мной взглядом. Я смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри закипает липкое и непонятное беспокойство за нее.

Глава 3.

Мне не больно от того, что ты соврал сейчас. Мне просто очень жаль, что одна твоя ложь перечеркнула все годы правды.

13 августа 148 года Н.Э.

Холодный сырой металл впился в правую щеку задолго до того, как ко мне вернулось зрение.

Сознание возвращалось рваными рывками, словно заедающий механизм старого проектора. В нос ударил резкий запах машинного масла, гари и тошнотворной органики. Я втянула тяжелый воздух и тут же зашлась в кашле - горло обожгло так, будто я наглоталась раскаленного песка.

Я попыталась опереться на руки, но мышцы отказались подчиняться. Тело казалось ватным и свинцовым. В ушах стоял оглушительный свист, а перед глазами плясали разноцветные круги.

Где я?

Мысль пронзила мозг острой паникой. Память сохранила лишь белый свет отцовского кабинета, запах миндаля, тяжелый взгляд дяди и глухой щелчок замков.

Преодолевая ломоту в каждой мышце, я перевернулась на спину и вынудила себя открыть глаза. Небо выглядело чуждым - мутная желтизна заката едва сочилась сквозь дымку, превращая всё вокруг в безжизненную декорацию.

Я лежала посреди странного пейзажа. Слева вздымались скелеты старого города: проломленные стены небоскребов, повисшие на ржавой арматуре бетонные плиты, брошенные машины и затопленные входы в подземные тоннели, полностью заросшие ядовитым кустарником. Справа простиралась другая реальность - огромные деревья с багровой листвой, испускающие слабое свечение, густые заросли лиан и плотная дымка на земле. Руины поглощались дикими джунглями.

Дыхание сбилось. Грудину сдавило так, будто ребра стянули стальным обручем. Паника накрыла с головой: сердце застучало в висках, пальцы затряслись, а кислород перестал поступать в легкие.

Нет. Этого не может быть. Я дома. В Верхнем Куполе. Это страшный сон, от которого надо проснуться... - билось в сознании.

Я судорожно вцепилась пальцами в липкую грязь с листвой, пытаясь сделать вдох. Холодный расчет и выдержка, за которые меня хвалили в Академии, трещали по швам под ударом ужаса.

Соберись. Думай логически. Выход есть всегда! - приказала я себе, впиваясь ногтями в ладони до боли.

Я посмотрела на тяжелый браслет из черного титана на левом запястье. На тусклом дисплее мигали системные символы. Никаких данных о местонахождении. Лишь красная точка на карте и таймер, отсчитывающий время: 167 часов

и 24 минуты.

Семь суток.

- Семь дней? Что это вообще значит? - мысли лихорадочно метались в раскалывающейся голове, пока я пыталась сообразить, как сюда попала. - Я же помню эту местность! Видела ее на лекции профессора...

Страх сковывал дыхание, но внутренний голос требовал главного: как я оказалась в центре кошмара, который вчера существовал лишь на презентациях?

Успокойся. Паника снижает когнитивные функции. Кислородное голодание приведет к потере сознания, а здесь это смерть. Осмотрись. Просчитай варианты, - эта мантра с уроков тактической логики медленно возвращала контроль над телом.

Я глубоко выдохнула воздух, заставила замереть дрожащие колени и оперлась испачканными в грязи руками о бетон.

Из-за рухнувшей балки донесся резкий шорох и металлический лязг.

Я замерла, едва дыша. Сердце ухнуло вниз.

За обвалившейся стеной, в пятнадцати шагах от меня, показались две фигуры. Мужчины. На них были черные комбинезоны, а на запястьях такие же черные титановые браслеты. Но они смотрели не на меня. Они смотрели друг на друга с оскалом зверей.

- Отдай рюкзак! - прошипел один, сжимая кусок арматуры

с заточенным концом.

- Пошел к черту! Кто первый поднял - того и рюкзак!

Драка завязалась мгновенно - жестокая и смертоносная. Они сцепились на бетонном полу с глухим треском. Арматура вошла во что-то мягкое, раздался захлебывающийся крик, и на серый бетон брызнула темная кровь.

Меня обдало ледяной волной ужаса. В Академии учили теории конфликтов, но никто не показывал, как человек забивает другого ради рюкзака. Сейчас здесь не было законов и страж порядка.

Бежать.

Мысль смела остатки выдержки.

Я попятилась, нащупала опору и поднялась на дрожащие ноги. Перешагивая через завалы бетона, бросилась прочь от драки - в лабиринт полуразрушенных зданий.

Подошвы ботинок скользили по влажному бетону. Легкие горели от сырого воздуха, дыхание срывалось на сип. Я бежала вслепую, огибая скелеты домов и обрывки кабелей.

Каждый звук - стук капли, шорох ветра, треск ветки - казался шагами преследователя.

Завернув за угол полуразрушенного павильона, я оступилась. Нога поехала по мху, и я со всего размаха полетела вперед, задев кучу металлических труб.

Они со звоном покатились по полу, эхом отдаваясь в пустотах улицы.

Я замерла на коленях и зажала рот руками. Сердце ко-

лотилось как бешеное. Шорох. Кто-то приближался сзади - быстро и почти бесшумно, на звук металла.

Попыталась отползти в щель между бетонными блоками, но силы окончательно оставили меня.

В этот момент из темноты выскользнула тень. Все произошло мгновенно: сильная рука рывком потянула меня на себя и прижала спиной к земле.

Прежде чем я успела вскрикнуть, чужое тело навалилось сверху, а ладонь с силой впилась в мои губы, заглушая крик.

Я забилась, но хватка незнакомки оказалась стальной.

- Тихо, - раздался над ухом сухой женский шепот. - Заткнись и не дергайся, если жить хочешь. Они идут на шум.

Нападавшая двигалась с грацией хищника - быстро, бесшумно и расчетливо. Четким, отработанным до автоматизма движением незнакомка грубо заломила руку за спину, а к открытой шее тут же прижался холодный край тяжелого боевого ножа.

Я задохнулась от неожиданности и страха, но заложенный на моих редких тренировках инстинкт самосохранения заставил меня вскинуть свободную руку, отчаянно пытаясь перехватить вооруженное запястье нападавшей.

- Дернешься хоть на миллиметр - и этот нож перережет тебе горло, поняла? - прошипела девушка, тяжело нависая надо мной.

В тусклом свете заката я смогла разглядеть её лицо. Это была девушка чуть старше меня, но из совершенно другого

мира. При всей своей опасности она была красива: резкие черты лица, россыпь золотистых веснушек на щеках, темные волосы и поразительно яркие голубые глаза. На ней был потертый черный комбинезон. На скуле чернела свежая царапина, а короткие пряди сбились набок. В ее взгляде читалась железобетонная решимость убить без колебаний.

Незнакомка уже хотела отшатнуться, как ее взгляд упал на мое запястье. Она замерла, рука с ножом зависла в воздухе, а зрачки расширились.

- Твой номер - голос потерял угрозу, сменившись шоком.

Она перевела взгляд со своего запястья на мое. На обеих руках, подсвеченные синим свечением диодов, горели одинаковые номера: 089.

Два идентичных номера.

Я лихорадочно соображала. Догадаться, где я нахожусь, было несложно - местность выдавала закрытый сектор «Полигон-09». Но почему всё это происходит здесь и сейчас? На лекциях говорили, что испытания на арене прекратили двадцать лет назад, законсервировав объект. Откуда на моем браслете номер участника? И как я вообще оказалась в этой точке, отрезанная от привычного мира? Ответов не было.Если я действительно каким то образом оказалась участницей испытаний на полигоне, то у меня должен быть порядковый номер. И он точно не должен совпадать с номером другого участника. Значит я здесь по ошибке?

Внутри всё сжималось от глухого, леденящего ужаса. Я

панически нервничала, не в силах заставить себя успокоиться и собрать разлетевшиеся в разные стороны мысли в единую кучу. Пальцы дрожали, холодный пот катился по спине, а реальность вокруг казалась жутким кошмаром, от которого никак не удавалось проснуться.

Незнакомка медленно, с явным нежеланием убрала нож от моего горла, но дистанцию сокращать не стала. Она резко поднялась на ноги, отряхнула пыль и неожиданно протянула мне руку - из сострадания или внезапно проснувшейся доброты.

- Вставай, куколка, - бросила она коротко и жестко. - Если мы сейчас же не уберемся с этой открытой местности, нас обеих прикончат до того, как закончится первый час турнира. Меня зовут Мишель.

Все еще сильно дрожащими пальцами опираясь о чужую мозолистую ладонь, я с трудом поднялась на ноги. Земля буквально уходила из-под ног, но разум уже работал на предельных оборотах.

- Элизабет, - выдавила я пересохшими, потрескавшимися губами.

Мишель профессионально, цепко окинула меня взглядом - белый, грубый комбинезон Верхнего Купола, в который меня кто-то облачил без моего согласия пока я была без сознания, превратился практически в лохмотья и испачкался в грязи. Бледное лицо, наверняка испуганные глаза. Мишель смотрела так, будто мгновенно просчитала меня: передо ней

стояла тепличная девчонка из высшего общества, которую выбросили на этот смертельный полигон на заклание. По крайней мере, в ее глазах читался именно этот холодный, расчетливый диагноз.

Девушка из Нижнего Купола прекрасно знала изнанку этого жестокого мира. Она знала, что в одиночку здесь не прожить и суток. А если в голове этой резкой незнакомки действительно крутились прагматичные мысли о выходе из ситуации, то мои возможные связи, техническая эрудиция или тот самый сбой с одинаковыми номерами... всё это теоретически могло стать нашим общим билетом к спасению.

- Слушай меня очень внимательно, Эл, - жестко сказала Мишель, оглядывая темнеющие, зловещие руины вокруг. - На этом полигоне ровно сто участников. Пощады не будет ни для кого. И если система выдала нам один номер на двоих, значит, кто-то наверху очень сильно облажался, и они будут намеренно заметать следы. Но мы можем повернуть это в свою пользу.

Я замерла, ошеломленно глядя на нее, и переспросила, чувствуя, как внутри холодеет:

- Сто участников? Откуда ты знаешь, сколько здесь людей? Ты знаешь, что здесь происходит?

Мишель криво и горько усмехнулась, перехватив нож поудобнее.

- У нас в Нижнем Куполе об этом судачат годами, - бросила она. - Ходят жуткие легенды о том, куда бесследно исче-

зают те, за кем приходит система. Забирают всегда молодых - парней и девушек от восемнадцати до двадцати пяти, самых крепких. Отбирают регулярно, циклами: примерно раз в квартал или сразу после крупных сбоев систем. И каждый раз ровно по сто человек. Все знают, что их увозят в один конец, только мало кто понимает куда. Я просто сложила два и два.

- То есть ты хочешь сказать, что людей постоянно забирают и привозят сюда? - мой голос сорвался на шепот, в котором смешались ужас и неверие. - Но... этого просто не может быть! Нам в Академии четко говорили, что подобные испытания закрыли много лет назад, еще двадцать лет назад! Это запрещено, это негуманно, это...

- Очнись, Эл, - резко перебила меня Мишель, в ее глазах блеснул холодный огонь. - Ты до сих пор не поняла, для чего мы здесь? У меня уже есть несколько догадок... И главная из них - что мы угодили в какие-то смертельные игры, где из нас делают живые мишени. На меня за этот неполный час уже успели напасть, и пришлось отбиваться.Я молчала, сглатывая ком в горле, а в голове со страшной скоростью начали всплывать обрывки из презентации профессора.- Биолаборатория... - прошептала я побелевшими губами, чувствуя, как земля уходит из-под ног. - Это не арена для смертельных игр. Я видела презентацию на лекциях в Академии. Нам рассказывали, что в прошлом проводились эксперименты по выживанию людей в экстремальных усло-

виях для поиска особых генных маркеров... Но я думала, это давно в прошлом. Совет просто использует Полигон-09, как гигантскую клетку. Они загоняют ровно сотню отобранных людей - идеальную математическую выборку для моделирования замкнутой экосистемы. Радиация, яд, холод... Им плевать на жизни. В моменты предельного, нечеловеческого стресса они выслеживают у выживших скрытые мутации, иммунитет к вирусам и редкие маркеры ДНК. Мы для них даже не подопытные крысы - мы просто расходный материал!

Мишель внимательно, с неожиданным уважением посмотрела на меня, оценивая масштаб осознания.

- Ну вот, видишь, - тихо произнесла она. - Ты знаешь изнанку этой лживой науки, а я знаю изнанку другого мира. Вместе мы хотя бы понимаем, с чем имеем дело. А теперь нам нужно уходить отсюда, пока сюда не нагрянули новые санитары этой клетки.

Прежде чем я успела ответить хоть слово, из-за обломков соседнего бетонного блока раздался грубый, издевательский смех.

- Смотрите-ка, какие у нас тут милые гости! Две крысы забились в одну нору! - разнесся неприятный, сорванный голос.

Из тени разрушенной железобетонной стены уверенно шагнул крупный, мускулистый парень в тяжелой штурмовой броне. В его руках был армейский карабин, дуло которого

смотрело прямо на нас. На запястье отчетливо горел порядковый номер - 014.

Выглядел он как один из профессиональных бойцов, выращенных силовыми структурами для операций в Нижнем Куполе. Их отбирали и тренировали с самого детства - безжалостные машины, для которых не существовало сомнений и жалости, важен был только приказ. И теперь этот хищник выбрал нас своей новой мишенью, начиная собственную кровавую охоту.

Понимание ситуации ударило под дых, мысли пронеслись в голове с бешеной скоростью, отсчитывая секунды до неизбежного столкновения.

- Диего лично приказал мне вас найти! - ухмыльнулся амбал, делая широкий шаг вперед и с легкостью перекладывая палец на спусковой крючок. - И за вас мне заплатят щедрую премию. Руки за голову, обе, живо!

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Пересиливая липкий страх, застрявший в ребрах, я расправила плечи и бросила вызов собственному голосу, заставляя его звучать твердо:

- Диего? Кто такой Диего? - набираясь храбрости, уточнила я, не сводя глаз с черного дула карабина.

Боец презрительно хохотнул, тяжело переступая по битому бетону.

- Мертвецам до этого уже нет никакого дела, - процедил он сквозь зубы, резко выставляя оружие прямо напротив меня

и натягивая металл приклада к плечу.

Внутренний мир сжался в тугую пружину. Страх на долю секунды парализовал волю, но Мишель действовала с молниеносной. Не раздумывая ни секунды, она толкнула меня за массивную бетонную колонну, одновременно с этим выхватывая из-за пояса пистолет.

Завязалась короткая, но яростная схватка. Амбал открыл плотный шквальный огонь, оплавляя бетон крошкой, искрами и удушливым дымом. Мишель ловко ушла с линии огня, отвечая резким выстрелом, но противник был слишком силен, хорошо защищен броней и явно имел больший боевой опыт. Он приближался к ней все ближе, оттесняя ту в угол плит. Видя, что Мишель зажали в смертельном углу, я пыталась перебороть парализующий страх. В голове выстраивался приблизительный маршрут и вариант действий.

Не долго размышляя, я с отчаянным криком бросилась вперед, подхватила с земли тяжелый обломок ржавой арматуры и со всей накопившейся яростью ударила нападавшего прямо по коленному суставу. Амбал взревел от неожиданной боли, на секунду потеряв равновесие. Этого мгновения хватило с лихвой: Мишель мгновенно сократила дистанцию, сбила его с ног и в доли секунды прижала дуло пистолета прямо к его виску, готовая спустить курок.

- Нет, не убивай его! - выдохнула я, резко вскинув руку.

Мишель замерла на мгновение, тяжело дыша, и бросила на меня изумленный, полный недоумения взгляд. Но в ее

глазах я не увидела спора - только прямой вопрос.

- Не надо, - тверже ответила я, переводя дух.

Мишель криво усмехнулась, но послушалась. Вместо смертельного выстрела она с глухим звуком вогнала пулю ему в ногу, заставив захлебнуться новым криком боли, а затем со всего маху рукоятью карабина врезала ему по виску.

Он моментально потерял сознание.

Когда грохот боя окончательно стих, мы обе тяжело, со свистом дышали, прислонившись спинами к холодному бетону.

- Неплохо для девчонки из парниковых условий, - выдохнула Мишель, стирая тыльной стороной ладони кровь со лба и поднимая с земли трофейный карабин убитого мародера.

- Ты меня спасла.

- Ты меня тоже, получается.

Я смотрела на свои мелко дрожащие ладони, впервые в жизни ощутив липкий, осязаемый привкус приближающейся смерти. Переводя дыхание, я посмотрела на оружие в руках напарницы, и в голове вдруг всплыло несоответствие, зудящее набатом.

- Откуда у тебя оружие? - хрипло спросила я, поднимая взгляд на Мишель. - Насколько нам рассказывали, проносить вооружение было категорически запрещено. Его можно добыть только случайно или найдя в тайниках по карте. Но у него был полноценный штурмовой карабин, у тебя - пистолет и нож... Я не понимаю, откуда оно у вас.

Мишель криво усмехнулась, передергивая затвор и проверяя магазин.

- Правила существуют для того, чтобы их обходили те, у кого есть связи или деньги, Эл. Если очень сильно хочется жить и победить, всё можно найти. Главное - вовремя подкупить нужных людей в распределительном центре еще до начала, - коротко бросила она.

Я отвернулась, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Перед глазами пронеслись годы моей сытой и спокойной жизни в Верхнем Куполе. Я никогда не одобряла те действия, которые тут происходили ранее - физически претило всё, что было связано с жестокостью этих испытаний.После той лекции, где нам впервые открыли правду об испытаниях, вернувшись домой, я сразу попыталась выплеснуть это матери, выговорить всё, что кипело внутри, но она лишь побледнела. Оборвав меня на полуслове, она категорически запретила даже произносить это вслух, а потом испуганно перевела разговор на совершенно постороннюю тему, делая вид, что ничего не произошло.

Какая же жестокая ирония судьбы: всё то, что я всю жизнь так яростно отрицала, к чему испытывала глубочайшее презрение, в одночасье стало моей новой реальностью. Я оказалась заброшена в самый эпицентр этого кошмара, и теперь, чтобы просто выжить, мне самой пришлось взять в руки металл и обагрить пальцы кровью. Сбежать от системы не получилось - система просто затащила меня внутрь, заставив

играть по своим самым бесчеловечным правилам.

Немного переведя дыхание, мы начали стремительно отступать вглубь руин, уходя как можно дальше от открытых пространств.

- Про какого Диего шла речь? - спросила я.

Мишель нахмурилась, уверенно перепрыгивая через торчащие пучки арматуры.

- Диего - один из главных палачей в Нижнем Куполе и видимо его забросили сюда с нами. Наемник из высших кругов, которому поручено зачищать неугодных и подчищать хвосты. Но меня сейчас волнует совсем другое... - Мишель остановилась на секунду, бросив на меня тяжелый, испытующий взгляд. - Мне нужно найти моего старшего брата. Алекса. Нас раскидало по разным секторам при приземлении. Мы должны прорваться на северную сторону полигона.

- Твой брат? - я удивленно посмотрела на нее. - Значит, ты здесь не одна?

- Нет, не одна, - голос Мишель слегка дрогнул, в нем прорезалась сталь. - Мы всю жизнь выживали в Нижнем Куполе вместе. Мне нужно, что бы ты рассказала, что еще знаешь об этом месте, и за что именно тебя сюда скинули.

И пока мы осторожно продвигались по запутанному лабиринту мертвого мегаполиса, я выложила ей всю правду: рассказала про отчеты разведки, про реальную жизнь за куполом, про чудовищное предательство родного дяди и про то, как система попыталась избавиться от меня за одну страш-

ную ночь.Мишель слушала молча, плотно стиснув зубы и крепко сжимая рукоять оружия.Наверное, стоило промолчать, соврать, прикрыть хотя бы часть информации, - пронеслось в голове с удушливой волной тревоги. - Слишком многого я вывалила на незнакомку.

Но тут же холодный рассудок оборвал эти сомнения: уже поздно. Она только что вытащила меня и спасла от тех парней. Если сейчас не доверять ей - то кому вообще можно верить? Больше у меня не было никого здесь.

- Значит, мы обе здесь не по случайности, - тихо произнесла Мишель, когда мы наконец благополучно укрылись в тени полуразрушенного промышленного ангара, чтобы перевести дух перед новым тяжелым переходом. Она прислонилась спиной к бетонной колонне, тяжело дыша, но ее взгляд оставался ледяным и сосредоточенным. - Нас здесь ровно сто участников. Хотя... возможно уже меньше, это только наши сведения.Мишель резко оттолкнулась от стены, и посмотрела мне прямо в глаза:

- Но правила Совета меня не волнуют. Сначала я найду Алекса - чего бы мне это ни стоило. А потом мы найдем способ вытащить наружу всю эту грязь и заставим ответить каждого ублюдка в белых халатах, кто решил, что имеет право запереть нас в этом аду. Ты со мной?

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как холодный рассудок берет верх над паникой, и покачала головой:

- Я с тобой, но героические планы придется отложить на

потом, если мы умрем от голода или обезвоживания в первый же день. Я предлагаю сначала найти тайник со снаряжением и припасами. Без еды и воды мы долго не протянем, а сколько продлятся поиски твоего брата - никому не известно. Нам нужно свериться с картой на браслете, найти метки возможных тайников и выдвигаться к самому ближайшему. Это сейчас вопрос нашего выживания.

Мишель на секунду замерла, оценивающе глядя на меня, а затем кивнула:

- Разумно. Открывай карту.

- Погоди, - сказала я, нахмурившись. - Почему ты уверена, что твой брат именно на севере?

Мишель обернулась, тяжело опираясь на ствол карабина, и в ее глазах мелькнула мрачная тень воспоминаний.

- Самый первый парень, который на меня напал, едва я приземлилась на этот проклятый полигон... Это он сказал. Перед тем как я убежала, проболтался, что часть участников мужского пола сбрасывали дальше, на севере. Других ориентиров у нас все равно нет. Либо он там, либо...

Она не договорила, но мне и не нужно было продолжение. Я кивнула, принимая этот довод. Северный сектор оставался нашей единственной и последней нитью.

Глава 4.

27 июля 145 года Н.Э. Три года назад.

Воздух в салоне пах дорогой кожей и свежестью. Мы с Дином ехали на заднем сиденье бесшумного такси, проносясь по верхним эстакадам, а раскинувшийся на десятки километров мегаполис за окном всё не кончался.

Наш город был колоссален - настоящий гигант, соизмеримый размерами с крупными городами-миллионниками старой эпохи. Мы ехали уже больше двадцати минут. За окном сменяли друг друга ярусные сады, раскинувшиеся прямо на крышах небоскребов, прозрачные пешеходные мосты, струящиеся медиафасады и белоснежные жилые кварталы. Скоростные магистрали уходили куда-то вниз, разветвляясь на десятки линий общественного транспорта и подземных веток метро, окутывающих этот огромный живой организм.

Мы наперебой спорили о последней лекции по государственному управлению.

- Да не мог профессор быть прав! - Дин с азартом жестикулировал, откинувшись на мягкое кожаное кресло. - Полный контроль Совета над городом невозможно удерживать одними лишь законами. Нам просто недоговаривают!- Но система работает без сбоев уже десятки лет, Дин, - с улыбкой возразила я, глядя на его взъерошенные волосы. - Профессор приводил реальные цифры и отчеты. Если бы всё строилось

на тайных сговорах, а не на четком управлении, Купол давно развалился бы изнутри. Ты просто не хочешь признать, что проспал половину лекции.

- Я не спал, я анализировал! - усмехнулся он.

В пятнадцать лет, сразу после окончания школы, мы вместе поступили в Академию. В Верхнем городе всё было подчинено строгой системе: школа давала базовые дисциплины, а уже с пятнадцати лет из нас начали выковывать управленческую элиту. Учеба в Академии была жесткой и всеобъемлющей. Два года нас обучали всему - от политологии, высшей математики и биотехнологий до психологии и права. Система стремилась сделать из нас универсальных винтиков, способных управлять этим миром.

Но теперь, на рубеже третьего курса, перед нами встал выбор. Переходный момент, определяющий всю дальнейшую жизнь, где наша Академия требовала выбрать узкую специализацию - от биоинженерии до государственного управления.В других же учебных заведениях - учили совершенно другому: там готовили геологов, инженеров-механиков, специалистов по синтетическому топливу и еще более пятидесяти различных направлений во всех сферах жизнедеятельности.

- Лиз, мы ведь никогда не были у самого края. Давай доедем до границы Верхнего Купола?

Идея казалась ребячеством, безумным и заманчивым. Лишь спустя еще полчаса пути пейзаж за окном начал посте-

пенно меняться. Окраина Верхнего города встретила нас той же безупречной архитектурой: даже здесь, на самом краю элитной зоны, стояли белоснежные аккуратные коттеджи, обрамленные пышными садами.Мы отпустили такси и дальше пошли пешком.

Чем ближе мы подходили к границе города, тем сильнее казалось, что впереди - лишь бесконечный горизонт. Из центра Купол казался огромной защитной полусферой, но здесь, вблизи, глаза отказывались фиксировать хоть какую-то преграду. Воздух был прозрачен. Перед нами простиралась лишь тихая, покрытая редким кустарником равнина.

- Смотри, - Дин остановился у самой линии, где ровный газон сменялся сухой ничейной землей. - Ничего нет. Внешне - абсолютно ничего.

Он нагнулся, поднял с земли сероватый камень и, прищурившись, бросил его вперед.

Камень пролетел пару метров, и прямо в воздухе от него в разные стороны побежала едва заметная, призматическая рябь - словно по поверхности тончайшего прозрачного стекла. Пространство на мгновение исказилось, выдавая присутствие невидимой преграды, а затем камень спокойно упал на ту сторону.

Мы видели его. Он лежал всего в трех шагах от нас, за невидимой чертой - четкий, реальный, на той самой внешней земле.

- Судя по всему, через него можно просто перешагнуть, -

тихо сказал Дин, подступая ближе. Он протянул руку, но замер в миллиметре от того места, где только что прошел камень. - Физического барьера нет. Воздух проходит, предметы пролетают... Ты видишь, что там за ним? Никакого пепла, никакой ядовитой гари. Просто земля.

Меня обдало неожиданным липким страхом.

- Дин, не надо, - я схватила его за рукав, оттаскивая назад. - Не заходи за черту. Правила безопасности…- Да я и не собирался, - он повернулся ко мне, и в его глазах больше не было привычного азарта. Лишь глубокая, взрослая задумчивость. - Просто подумай, Лиз. Если бы там, снаружи, была безопасная жизнь… мы бы, вероятнее всего, уже давно все были там. Ведь так?

Он пожалел о своих словах сразу же, словно испугавшись собственной мысли. Дин перевёл всё в шутку, растрепал мои волосы и потянул обратно к дороге, чтобы поехать в центр.

Мы были соседями с самого детства. Наши семьи жили в приватном коттеджном поселке Верхнего Купола, в двух шагах друг от друга, поэтому вечера мы почти всегда проводили вместе. Вернувшись домой, когда улицы уже залил мягкий вечерний свет декоративных фонарей, мы отправились на традиционный семейный ужин на террасе в доме родителей Дина.

За столом, под тихое журчание искусственного фонтана и звон приборов, наши родители увлеченно обсуждали предстоящее распределение по направлениям.

- Элизабет обязана идти на государственное управление, - с мягкой улыбкой произнес дядя, отпивая вишневый сок из хрустального бокала. - С её критическим мышлением и моей поддержкой в Совете перед ней открыты все двери.- А Дин, похоже, всё ещё витает в облаках со своей биоинженерией и структурой Купола, - посмеивался отец Дина, качая головой.- Пусть дети сами решают, это ведь их жизнь - сказала моя мама и улыбнулась.

Я смотрела на Дина. Он улыбался, кивал родителям и делал вид, что увлечен разговором. Но я слишком хорошо его знала. В его взгляде всё еще отражался тот сероватый камень, лениво лежащий на сухой земле за невидимой, но давящей чертой.Позже, когда ужин завершился и я вернулась в свою комнату, тихий стук в дверь нарушил вечернюю тишину. В проеме показалась мама. Переодевшись в домашний шелковый халат, она подошла ближе и опустилась на край моей кровати.

- Лизи, всё в порядке? - тихо спросила она, внимательно вглядываясь в мое лицо. - Твой дядя перед уходом замялся, но всё же упомянул... Сказал, что система мониторинга зафиксировала ваше такси на самом отшибе. По трекерам выходит, вы были у самой границы Верхнего Купола. Что вы там делали?

Я на секунду замерла, но тут же заставила себя пожать плечами с самым непринужденным видом.

- Да ничего особенного, мамуль, - ответила я с легкой

улыбкой. - Просто захотели прокатиться после занятий, засиделись в такси за спорами о лекции и не заметили, как уехали на окраину. Вышли, немного прогулялись и вернулись.

Мама облегченно выдохнула, ласково провела ладонью по моим волосам и поцеловала в лоб:

- Хорошо. Просто будь осторожнее, ладно? Твой дядя очень за тебя переживает.

Когда за ней закрылась дверь и я осталась одна в полумраке комнаты, на душе остался неприятный осадок. Ощущение, что каждый твой шаг, каждая поездка и импульсивная выходка мгновенно отображаются на мониторах в кабинете дяди, отзывалось удушливым давлением.

«За мной следят...» - пронеслась тревожная мысль.

Я тряхнула головой, прогоняя это чувство. Дядя ко мне с особой теплотой, ведь своих детей у него не было. Наверняка он просто искренне переживал за мою безопасность и хотел уберечь от глупостей - особенно сейчас, перед таким важным шагом, как выбор специализации.

Но, несмотря на все разумные доводы, чувство невидимого поводка на шее так и не исчезло до самого сна.

Глава 5

Вне общества и в полном одиночестве, человек быстро угасает, а его жизнь сводится к бессмысленной, тоскливой борьбе за каждый день жизни.

13 августа 148 года Н.Э.

Следующие несколько часов превратились в изнуряющий кошмар. Мы двигались короткими перебежками от укрытия к укрытию, стараясь не привлекать лишнего внимания и прислушиваясь к каждому шороху в этом мертвящем лесу. Карта на моем браслете то и дело сбоила, мерцая тусклыми голографическими линиями, из-за чего мы дважды сбивались с пути, заходя в тупиковые, заваленные бетонными балками проулки, и были вынуждены возвращаться назад.

Ноги налились свинцом, в горле пересохло, а каждый шаг по битому стеклу и ржавой арматуре отдавался тупой болью в мышцах. Мой белоснежный комбинезон превратился в грязные, изодранные лохмотья, напрочь стерев любые следы моего прошлого из Верхнего Купола. Мишель шла впереди, сжимая в руках трофейный карабин и постоянно оглядываясь, пока мы пробирались сквозь скелет огромного промышленного комплекса. Наконец, ориентируясь по мерцающей красной точке на дисплее, мы протиснулись сквозь узкую щель между сдвинутыми плитами и оказались внутри огромного, полуразрушенного ангара, где был отчетливый

запах сырости и металла.

Здесь было тихо, если не считать шороха ползучих лиан и капель падающих с проржавевшей крыши. Мы осторожно обследовали каждый сантиметр помещения, когда Мишель вдруг присела у заржавевшего сейфа. Первая попытка открыть его не увенчалась успехом и Мишель решила действовать жестче. Тяжелая дверца поддалась после удара прикладом.

Внутри, помимо нескольких рюкзаков, лежал герметичный пластиковый планшет с мигающим экраном.

Мишель нажала на сенсор, и над пластиком в воздух проступил голографический текст. Мы обе впились глазами в светящиеся строки:

Внимание, участник. Вы находитесь в секторе Полигон-09. Квота эвакуации: ровно 5 (пять) человек из 100 (ста) зарегистрированных участников. Системный таймер отсчитывает время до закрытия шлюзов (168 часов). Тела выбывших не эвакуируются; фиксация биологической смерти и обнуление статуса осуществляются автоматически через датчики браслета. Единственный способ гарантировать себе место среди выживших - опередить остальных и замкнуть цикл.

Для верификации статуса и обновления локальной сетки приложите свой браслет к панели планшета.

В ангаре стало звеняще тихо. Мы переглянулись, и в этом взгляде читалось одинаковое недоверие.

- Приложить браслет? - недоверчиво протянула я, отступая на шаг. - Ты уверена, что это безопасно? Совет сможет отследить наше местоположение или заблокировать карту!

- А у нас есть выбор? - хмуро бросила Мишель, глядя на светящуюся панель. - Нам нужно приложить. Но давай решим, кто из нас это сделает.

Я нервно закусила губу. Мой браслет... с нашим общим системным сбоем и тем фактом, что меня вообще не должно было существовать в списках этого полигона, - светить было нельзя ни в коем случае. Если система считает мой код как ошибку, этот планшет может мгновенно поднять тревогу или заблокирует браслет.

- Давай ты, - твердо сказала я, переводя дыхание. - Меня здесь официально быть не должно. Ты же сама уже сложила два и два и понимаешь, что меня тут быть не должно. Если в моем браслете что-то будет не так, он может может привлечь ненужное внимание.

Мишель пристально посмотрела на меня, оценивая риски, и молча кивнула. Не говоря больше ни слова, она уверенно шагнула вперед и приложила левое запястье с матовым титановым браслетом к сенсорной панели планшета.

Корпус устройства коротко пискнул, синяя голограмма на секунду погасла, а затем вспыхнула снова, выведя на экран новый статус. Одновременно с этим крошечный экранчик на браслете Мишель тихо звякнул и обновился.

Мы обе затаили дыхание, вглядываясь в появившиеся

цифры. На дисплее браслета, прямо под безжалостным таймером обратного отсчета, горело новое число: *83*.

Мишель медленно подняла на меня ошеломленный взгляд.

- Восемьдесят три... - прошептала она, и в ее голосе впервые проскользнуло неподдельное замешательство. - Это же не номер нашего отряда. Это...

- Это количество живых участников, оставшихся на полигоне прямо сейчас, - закончила я за нее, чувствуя, как по спине пробегает ледяной мороз. - Нас было сто. Минус тот парень, которого уложили при мне... и еще шестнадцать человек, погибших где-то на полигоне, пока мы шли сюда. Счетчики участников обновляются в реальном времени.

Пока мы переваривали эту страшную цифру, я наконец смогла подробнее осмотреть внутренности массивного сейфа. Помимо планшета, в нише обнаружилось еще пять плотных герметичных рюкзаков зеленого цвета.

Мы по очереди вскрыли их. Внутри лежали стандартные армейские жгуты, фляги с чистой водой, вакуумные сухпайки и консервы, а главное - комплекты прочных защитных комбинезонов нейтрального темно-серого цвета, без каких-либо опознавательных знаков Верхнего или Нижнего Купола. В карманах каждого комплекта также нашлись плотные герметичные чехлы, а в них - тяжелые индивидуальные респираторы с угольными фильтрами и сменными противогазовыми картриджами.

- То, что нужно, - оценивающе бросила Мишель, вытаскивая один из комбинезонов. - Твой белый наряд из Верхнего Купола - прекрасная мишень для любого снайпера в радиусе километра. Переодеваемся.

- Думаешь, здесь у каждого первого оружие?

- Хватит пары подобных встреч. Лучше считать каждого встреченного врагом.

Я не стала спорить. Мой прежний разодранный комбинезон давно не защищал ни от грязи, ни от холода. Мы быстро сменили одежду прямо в углу ангара, затянув ремни новых комбинезонов по фигуре. Затем мы ссыпали все сухпайки, дополнительные фляги и медикаменты из остальных трех рюкзаков в два оставшихся, распределив ношу на двоих.

Теперь мы выглядели одинаково - как рядовые бойцы без роду и племени, вооруженные едой, водой и страшным знанием о том, что за нашими спинами тикает таймер смерти.

Мишель закинула рюкзак на плечо, перехватила карабин и кивнула на выход: - Снаряжение есть, связь с системой проверили. А теперь давай посмотрим по карте, где находится ближайший следующий тайник или куда нам двигаться дальше.

Я активировала карту на браслете. Голографический луч выхватил из темноты ангара объемную топографическую карту сектора. Мерцающая красная точка нашего тайника мигала на южной окраине промзоны, но нужные нам координаты тянулись далеко наверх.

- Смотри, - я указала пальцем на пульсирующую метку на экране. - Если мы хотим найти твоего Алекса и продвинуться к зоне поисков, нам нужно идти на север, к старой насосной станции «Атриум». По карте здесь около двадцати километров через заброшенные кварталы, промзону и лес. Крупный узел снабжения есть по пути.

Мишель прищурилась, изучая маршрут, и кивнула: - Значит, держим курс на север. Пошли.

Мы шли почти без передышек, лавируя между островами сгоревшей техники, завалами и зарослями бурьяна. Темнота на полигоне опускалась стремительно, сменяя грязно-желтый дневной свет свинцовым, непроглядным мраком, в котором каждый шорох казался предвестником угрозы. Цифры на браслете Мишель за это время не изменились - застывшая «*83*» напоминала, что где-то рядом в темноте за нами наблюдают или так же крадутся другие участники.

К глубокой ночи ноги налились свинцом, а дыхание стало тяжелым и хриплым. Нам жизненно необходим был отдых, иначе мы бы вырубились прямо на ходу.

Обыскивая очередной квартал, мы заметили полуразрушенное административное здание с уцелевшей бетонной коробкой на втором этаже. Поднявшись по чудом уцелевшим обломкам лестницы, мы выбрали комнату без окон с глухими стенами, откуда просматривался единственный вход.

Мы забаррикадировали дверь тяжелым металлическом шкафом, оставив лишь узкую щель для обзора. Скинув

уставшие плечи от лямок рюкзаков, мы опустились на пыльный бетон.

Вскрыв вакуумные сухпайки из найденного тайника, мы молча перекусили холодной консервой и запили ее теплой водой из фляг. Есть особо не хотелось - горло пересушивал адреналин и усталость, но организм требовал еды.

Мишель устроилась у стены с карабином на коленях, бросив на меня короткий взгляд:

- Ложись спать первой. Я подежурю пару часов, потом разбужу тебя. Спим по очереди: расслабляться здесь нельзя ни на секунду.

Кивнула, завернувшись в тонкий защитный плащ-палатку, найденный на дне рюкзака. Сил спорить не было.

Я лежала глядя в темноту рассыпающегося потолка.. Мысль крутилась в голове назойливой мухой, не давая провалиться в сон.

Как хорошо, что сейчас стоял конец лета, а не осень или промозглые заморозки. Если бы полигон встретил нас пронизывающим холодом, мы бы с Мишель окоченели и выдохлись еще в первые часы, даже без помощи других участников. И от этой мысли внутри всё сжималось: если отборы здесь проводятся регулярно, циклами... как выживали те, кого забирали накануне зимы? Неужели Совет заставлял людей биться насмерть в ледяном аду под открытым небом? Или же гигантский купол, накрывающий полигон, каким-то образом искусственно регулировал климат, сдерживая снег

и проливные дожди, но оставляя пронизывающую, мертвящую сырость?

Впрочем, ответ был очевиден. Совету было абсолютно плевать на комфорт подопытных. Для них мы были не более чем расходным материалом, а погода - лишь еще одной переменной в их бесчеловечном уравнении.

С этими тяжелыми мыслями, слушая мерное дыхание дежурившей у входа Мишель и тихое тиканье браслета на руке, я наконец провалилась в тяжелый сон, под тихое тиканье браслета, отсчитывающего часы до конца нашего кошмара.

Пробуждение было резким и жестким.

Тишину ночи разорвал женский крик - пронзительный, полный невыносимой боли и ужаса. Он доносился откуда-то совсем близко, снаружи нашего укрытия, и не затихал ни на секунду, пробирая до ледяной дрожи в костях. Звук был настолько близким, что казалось, будто расправы над несчастной происходят за соседней бетонной стеной.

Я вскочила на ноги в полной темноте, судорожно шаря рукой по полу в поисках рюкзака. Сердце колотилось где-то в горле.

- Слышишь? - шепотом выдохнула я, глядя на Мишель, которая уже стояла на коленях, вперив взгляд в забаррикадированную дверь. - Кто-то кричит. Нам нужно выйти, мы должны ей помочь!

Мишель резко перехватила карабин и перевела на меня взгляд:

- Ты рехнулась? Куда ты собралась выходить? Если мы сейчас сунемся туда, нас убьют ровно с такой же легкостью. Снаружи враги, и они открыто забивают жертву.

- Но... а если мы сможем ей помочь? - мой голос сорвался, в груди поднялась паника. - Её же там убивают, а у нас есть оружие! Мы не можем просто сидеть и слушать это!

Мишель шагнула ко мне, схватила за плечи и с силой встряхнула, приводя в чувство. В ее глазах не было злости - только горькая, беспощадная боль.

- Опомнись, Эл! - жестко и тихо чеканила она каждое слово. - Ты должна наконец расценивать их всех не как случайных прохожих или жертв, а как врагов. Либо они убьют тебя, либо убьем мы. Если мы побежим спасать каждого встречного, мы не протянем и суток. Запомни: я хочу найти своего брата, а ты хочешь выбраться отсюда живой. А для этого мы должны дожить до рассвета, а не сдохнуть в первой же канаве из-за минутного приступа благородства.

Я замерла, тяжело дыша, пока крики за окном постепенно начали стихать, сменяясь зловещей, давящей тишиной. Волна горячего отчаяния внутри сменилась ледяным осознанием правоты Мишель.

Я медленно опустила плечи и кивнула, сглотнув подступивший к горлу ком.

- Ты права... - тихо выдохнула я, перехватывая лямку рюкзака. - Я поняла. Больше никаких глупостей. - Дальше я дежурю, - произнесла я, перехватывая трофейный карабин и

усаживаясь на пустой ящик у забаррикадированной двери. - Ложись спать, впереди еще несколько часов до утра, нам понадобятся силы.

- Эл, это не глупости, и я понимаю тебя. Но мы не в той обстановке, чтобы быть милосердными.

Я кивнула.

Мишель, не выпуская из рук нож, тяжело опустилась на пыльный матрас в дальнем углу комнаты. Спустя несколько минут ее дыхание выровнялось - она мгновенно провалилась в сон, уставшая после безумного дня.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким шорохом капель за окном. Я сидела в темноте, вперив взгляд в узкую щель баррикады, и в голове вдруг всплыла странная, саднящая мысль.

Я машинально проверила предохранитель оружия в руках и подумала о том, что она только что отдала заряженный карабин человеку, которого знает всего пару дней. Чужачке из Верхнего Купола, чье прошлое для неё - потемки. Более того, я сама позволила себе спокойно уснуть рядом, доверив ей свою жизнь.

Как такое вообще возможно? Еще сутки назад в моем мире Верхнего Купола доверие выстраивалось годами. А здесь, на дне этого ада, все маски слетели в один миг.

Я скосила взгляд на спящую Мишель. На ее лице застыла тень суровой сосредоточенности даже во сне.

И ведь я ей действительно доверяю, - пронеслась в голо-

ве неожиданно четкая мысль. - Несмотря на то, что мы абсолютно чужие люди из разных миров, я подставила ей свою спину без единой тени сомнения.

Может быть, это был страх остаться одной в этом кошмаре. А может - то самое инстинктивное чутье, которое вбивалось в нас минуты смертельной опасности. Здесь, где каждый норовит всадить тебе нож в спину, мы каким-то непостижимым образом стали единственной опорой друг для друга. И это доверие, родившееся на руинах нашего прошлого, казалось сейчас единственной настоящей вещью.

Глава 6.

29 мая 146 года. 2 года назад.

Просторная лекционная аудитория с панорамным видом на залитые солнцем крыши и парки Верхнего Купола погрузилась в полумрак. На огромном голографическом проекторе в центре зала медленно вращалась трехмерная схема закрытого полигона на Нижнем Куполе, испещренная красными и оранжевыми контрольными метками.

Профессор Вэнс, поправив тонкие очки в стальной оправе, размеренно шагал вдоль первых парт.

- Первоначальные этапы формирования нашего общества требовали радикальных решений, - его ровный, лишенный эмоций голос эхом отскакивал от акустических панелей. - Вопреки распространенным мифам, Полигон в Нижнем секторе изначально создавался не как исправительный сектор или место для контроля бунтов. Это была масштабная научно-исследовательская площадка.

Профессор взмахнул рукой, и голограмма изменилась. Перед нами возникли архивные кадры: серая бетонная зона, завалы, разрушенные здания и люди с браслетами на запястьях, проходящие через экстремальные нагрузки.

- Проект был запущен во времена Первого Кризиса, - продолжал Вэнс. - Главной задачей испытаний являлся комплексный лабораторный отбор для выявления особого, ред-

чайшего генома. Среда Арены искусственно создавала максимальный уровень стресса, угрозы жизни и критических нагрузок, побуждая организм участников работать на пределе биологических возможностей. Только в таких условиях возможно зафиксировать и идентифицировать необходимые нам генетические маркеры.

Я смотрела на трехмерные проекции изнуренных людей, и внутри меня всё сжималось от липкого, леденящего отвращения.

- Но это же бесчеловечно, - тихо, но отчетливо произнесла я, не удержавшись.

В аудитории мгновенно установилась тишина. Несколько однокурсников обернулись в мою сторону. Дин, сидевший рядом, слегка толкнул меня локтем, бесшумно шепнув: «Лиз, не надо». Но я уже не могла молчать.

- Профессор, вы говорите об этом только как о лабораторных данных, - я поднялась со своего места, прямо встречая взгляд преподавателя. - Но ведь за этим всем стоят живые люди! Превращать человеческие жизни в подопытный материал, стравливать их и заставлять проходить через смертельный ад ради каких-то экспериментов - это ужасно. Никакие исследования не могут оправдать подобный кошмар!

Профессор не возмутился. На его строгом лице не дрогнул ни один мускул. Он лишь медленно заложил руки за спину и посмотреть на меня с холодной, отцовской снисходительностью.

- Элизабет, эмоции - это прекрасное качество для эстета, но губительный порок для будущего управленца, - спокойным тоном ответил он. - Вы смотрите на форму, но упускаете суть. В условиях замкнутой экосистемы Купола абсолютный гуманизм равен самоубийству. Каждое жесткое решение прошлого было оправдано ради одной главной цели - выживания нашего вида. Если бы Совет не проводил эти исследования, мы с вами сегодня не сидели бы в этой чистой аудитории.

- Выживание за счет превращения людей в лабораторных крыс? - не отступала я. - Это не спасение вида, профессор.

Вэнс едва заметно улыбнулся и качнул головой.

- Сейчас я не могу раскрыть вам более подробные детали о конкретных целях этих экспериментов и структуре искомого генома. Но после распределения на старших курсах, если кто-то из вас выберет направление биоинженерии, вы получите доступ к соответствующим уровням информации и узнаете, для чего это было нужно.

Он повернулся к интерактивной доске, давая понять, что дискуссия окончена.

- Когда вы займете свое место в Совете, Элизабет, вы поймете: мораль - это роскошь, которую могут позволить себе только те, кого защищают чужие жесткие решения. А теперь перейдем к следующему разделу. Запишите тему.

Я опустилась на сиденье. Пальцы слегка дрожали от всплеска адреналина. Дин сжал мою ладонь под столом, под-

держивая, но сам смотрел на архивные кадры Арены с той же тревожной задумчивостью, что и у края Купола.

После лекции мы молча дошли до панорамного ресторанчика на верхнем ярусе Академии. Солнечные лучи заливали просторный зал сквозь высокие витражи, отражаясь в хрустальных бокалах и полированных поверхностях столов, но внутри нас атмосфера была далека от безмятежной.

Мы сделали заказ, и как только официант отошел, Дин нарушил молчание. Он небрежно крутил в пальцах стакан с водой, избегая смотреть мне в глаза.

- Ты зря полезла на рожон, Лиз, - мягко, но твердо начал он. - Профессор просто констатировал факты. Да, звучит жестко, но он прав. Мы живем в закрытом пространстве, где ресурсы ограничены. Если бы не те исследования... нас бы здесь просто не было.

Я резко отложила вилку, чувствуя, как внутри поднимается волна глухого раздражения.

- То есть ты сейчас оправдываешь то, что людей держат практически в клетках и используют как расходный материал? - я прищурилась, глядя на него в упор. - Дин, это не просто «жесткие меры». Это преступление против человечности. Нельзя строить благополучие одних на крови и страданиях других.

- Никто не говорит, что это легко и приятно, - Дина явно задел мой тон, и он подался вперед, сцепив руки в замок. - Но в глобальном масштабе нет понятия «хорошо» или «плохо».

Есть выживание вида. И если для сохранения стабильности Купола и людей требуется запустить испытания, значит, это необходимо. Мир не строится в белых перчатках, Лиз.

- Цель не оправдывает средства, Дин! - я повысила голос, привлекая внимание пары посетителей за соседним столиком. - Если ради выживания мы убиваем собственную человечность, то зачем вообще бороться за такое будущее? Мы превращаемся в монстров.

- А ты предлагаешь распустить Совет и дать всем погибнуть от дефицита ресурсов и хаоса? - с горькой усмешкой бросил он. - Хватит жить в иллюзиях. Мы - будущая управленческая элита. Нам предстоит принимать решения, от которых будут зависеть миллионы жизней, и иногда придется выбирать меньшее зло.

- Нет, - я покачала головой, чувствуя холод в груди. - Есть вещи, через которые переступать нельзя. И если твое «меньшее зло» начинается с экспериментов над людьми, то грош цена такой элите.

На секунду за столом повисла тяжелая, звенящая тишина. Ни один из нас не собирался уступать. Каждый остался при своем: я - с жгучим чувством несправедливости, он - со своей холодной прагматичностью.

В этот момент подошел официант и молча расставил перед нами тарелки с едой. Мы оба демонстративно уткнулись в тарелки, не проронив больше ни слова.

Спор был окончен, но обида и горький осадок висели в

воздухе густым туманом. Мы продолжали сидеть рядом за одним столом, разделенные невидимой стеной, чувствуя себя чужими, но по привычке оставаясь вместе.

Тогда, в светлой аудитории Академии, я была искренне уверена, что эти лаборатории - лишь закрытый эпизод из учебников истории. И я даже представить не могла, что на самом деле эксперимент никогда не прекращался, а я сама вскоре стану его главным подопытным объектом.

Глава 7.

14 августа 148 года Н.Э.

Самые страшные руины - это люди, которых мы не смогли уберечь, хотя имели шанс. Время не лечит эту боль; оно лишь превращает прошлое в бесконечную петлю, в которую мы возвращаемся снова и снова.

Ранним утром, когда бледный, свинцовый свет едва начал просачиваться сквозь щель в двери, мы начали собираться в путь. Позавтракав, я затянула ремни рюкзака, проверила карабин и обернулась к Мишель, которая на ходу застегивала воротник защитного комбинезона.

- Подожди, - остановила я ее, чувствуя, как тревожный холодок шевелениями отзывается в груди. - Посмотри на браслет. Сколько у тебя сейчас показывает?

Мишель нахмурилась, но послушно поднесла левое запястье к глазам и активировала экран. Я затаила дыхание, вглядываясь в ее лицо. Выражение утренней сонной дремоты на нем вмиг слетело, сменившись жесткой, ледяной сосредоточенностью.

Она медленно подняла на меня глаза.

- Семьдесят один, - хрипло произнесла Мишель, и в тишине полуразрушенной комнаты эта цифра прозвучала как приговор.

- Семьдесят один... - эхом повторила я, чувствуя, как внут-

ри всё сжимается в тугой узел. - Вчера вечером, когда мы синхронизировались у тайника, система показывала восемьдесят три.

Мишель тяжело оперлась рукой о бетонный подоконник, глядя в серую утреннюю муть за окном.

- Двенадцать человек, - процедила она сквозь зубы. - За одну эту ночь полигон сожрал еще дюжину участников. Пока мы спали здесь, за стенами шла бойня. Кто-то зачищал кварталы, кто-то сам попался в ловушку...

Я поежилась, вспомнив ночной женский крик, который резал тишину всего в нескольких десятках метров от нашего укрытия. Теперь я понимаю, что нельзя было высовываться, ведь масштаб ночной бойни доходил до сознания только сейчас.

- Нам нужно двигаться, - сказала Мишель, резко возвращая меня в реальность и перехватывая ремень карабина. Она посмотрела на меня решительным взглядом. - Идем на север, к «Атриуму». Время терять нельзя.

Я кивнула, отгоняя наваждение липкого страха. Мы еще раз проверили снаряжение, осторожно отворили дверь и шагнули в промозглый утренний туман полигона.

Первые часы пути давались сносно - сказался пусть и тревожный, но полноценный ночной отдых. Мы бодро шагали по заброшенным кварталам, стараясь держаться в тени разрушенных стен. Но после полудня дорога превратилась в изнуряющий кошмар. Мои ноги, не привыкшие к долгим пере-

ходам по битому кирпичу, налились свинцом. Каждое движение отзывалось тупой болью, а от химической пыли в груди застрял сухой кашель. Мишель шла чуть впереди. Она тоже устала, но держалась с выдержкой ветерана, подгоняя меня короткой жестикуляцией.

В какой-то момент бетон под ногами отозвался тяжелым гулом - глухие шаги эхом прокатились по пустой улице.

Мишель мгновенно дернула меня за рукав, утягивая за ближайшее здание. Мы замерли, слившись со стеной и едва дыша.

Спустя пару секунд из-за угла показался человек. Это был худой парень с длинными спутанными волосами. На нем была грязная одежда, а лицо искажал дикий страх. Он шел быстрыми, рваными шагами и постоянно оглядывался, судорожно вглядываясь в каждый проем. Оружия при нем не было, но мы не шевелились, пока его шаги окончательно не затихли в глубине руин.

Только когда вокруг снова воцарилась тишина, Мишель подала знак, и мы продолжили путь.

Дорога петляла среди развалин, усеянная обломками бетона, ржавой арматурой и провалами в подвалы. Из-за этих препятствий скорость упала до минимума. Добавил проблем и тяжелый воздух - от нагрузки легкие горели.

Я остановилась, тяжело опираясь руками о колени, и выдохнула:

- Больше не могу. Ноги ватные.

Мишель оглянулась, быстро оценив мое состояние, и поддержала за локоть:

- Терпи, Эл. Скоро найдем укрытие. Еще немного.

Здания закончились и спустя полчаса мы снова углубились в чащу, где руины сменились дикими зарослями. Вскоре сквозь шум ветра до нас донесся глухой гул. Вода.

Мы вышли из чащи прямо к пологому берегу лесного озера, куда с шумом обрушивался небольшой водопад. По другую сторону водной глади, прямо у самой кромки воды, чернели провалы нескольких заброшенных пещер, заросших густым плющом.

Прежде чем шагнуть из тени деревьев к открытой воде, мы долго сидели в кустах, вглядываясь в каждый темный зев гротов и оценивая возможные риски. Никого. Только птицы и шум падающей воды.

- Как думаешь, здесь безопасно? - тихо спросила я.

- Проверим, - коротко бросила Мишель.

Она спустилась первой, подошла к кромке озера и осторожно опустила ладонь в воду. Подождав пару минут и не заметив жжения, она кивнула мне.

Мы приняли решение ополоснуться. Заходя в воду по очереди и оставаясь в белье, мы переговаривались короткими фразами - для безопасности не сводя друг с друга глаз. Ледяная вода смывала гарь и страх.

На ночевку устроились у самой кромки леса, чуть углубившись в деревья, чтобы нас невозможно было заметить со

стороны воды. Расстелили на земле комбинезоны, достали сухпайки и ужинали в молчании, пока Мишель не собрала немного сухого хвороста. Спичками из рюкзака быстро разожгли небольшой костер.

Мы сидели у пламени, чувствуя его тепло. Я обняла колени и нарушила тишину:

- У тебя дома остался кто-нибудь из близких?

Она помедлила, глядя на искры, и покачала головой:

- Нет. Отца я не знала с детства. А мать умерла несколько лет назад.

Мишель помолчала и добавила:

- Из-за ее болезни мы с Алексом не смогли поступить в университет. Единственный шанс выбраться из Нижнего купола - это выбить квоту на учебу наверху. Но когда мама слегла, все силы уходили на то, чтобы просто выживать. Работать по двенадцать часов ежедневно ради пайка, которого едва хватает на двоих - это тупик. В хорошие месяцы давали чуть больше, в плохие - голодали. А на лекарства уходило всё.

- И как вы справлялись? - тихо спросила я.

- Контрабанда, - горько усмехнулась Мишель, бросив взгляд на огонь. - Мы таскали всё подряд. Переправляли разные вещи из Нижнего Купола в Верхний и обратно по частным заказам. Это был единственный способ получить нормальные деньги. Без этого мы бы просто сдохли в первые же месяцы.

Я ошарашенно уставилась на нее:

- Но это же невозможно. Я знаю устройство систем: весь периметр Верхнего Купола наглухо перекрыт, а патрульные дроны круглосуточно сканируют каждый метр. Там нереально пробраться.

Мишель усмехнулась коротко и невесело:

- Если тебе нужно выжить, ты всегда находишь путь. Обычные обходы, старые шахты, слепые зоны сканеров. Было бы желание.

- Ты... расскажешь мне? Как это делается? - тихо спросила я, чувствуя, как внутри замирает сердце.

Мишель посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом и чуть заметно кивнула:

- Если выживем - обязательно расскажу.

Я сжалась, глядя на нее:

- Это ужасно... Мне так жаль, что вам пришлось через это пройти.

- Виновата система, - жестко ответила Мишель, обхватив плечи руками. - От нее никуда не уйти. И теперь, зная, что за куполом есть жизнь, я понимаю: всё могло быть иначе. Возможно, моя мама была бы жива.

Её слова повисли в воздухе. Я смотрела на огонь, чувствуя, как внутри поднимается волна протеста. Моя собственная ненависть к Совету строилась теперь не только на боли по собственной матери, а на простом осознании: наверху сыто живут те, кто запер миллионы людей внизу, обрекая

их на нищету, болезни и борьбу за кусок хлеба. Слишком много сломанных судеб за этой невидимой стеной.

После этого разговора мы больше не говорили. Каждая осталась в своих мыслях, подбрасывая в костер ветки, пока сон окончательно не сморил нас.

Глава 8.

15 августа 148 год Н.Э.

Если бы я могла переписать прошлое, зная цену нашего будущего, я бы не изменила ни единого дня. Пусть эта любовь стоила мне жизни - отказаться от нее значило бы умереть еще раньше.

На третьи сутки мы зашли вглубь зоны, где природа окончательно победила технологии. Пейзаж изменился. Вокруг выросли гигантские деревья с багровой листвой, а их толстые стволы покрывал светящийся мох.

Воздух стал тяжелым и липким от испарений, пахло гнилью, озоном и горелым пластиком. Дорогу преграждали толстые лианы. Они образовывали живые стены, и пробиваться сквозь них приходилось ножом. Растения пугали: при малейшем касании их стебли судорожно сжимались, а из острых шипов капала ядовитая пена, мгновенно прожигающая ткань комбинезона.

- Не касайся коры, - не оборачиваясь, бросила Мишель, рассекая очередной лиановый узел. - Этот сок за пару минут разъедает кожу до кости. Держись след в след за мной.

- Спасибо, - выдохнула я, чудом успев отдернуть руку от дрогнувшего стебля. И тут же, переведя дыхание, не удержалась от вопроса: - Мишель, откуда ты знаешь подробности про флору полигона?

Мишель на секунду замерла, с усилием перерубая толстый корень, преградивший нам путь, и бросила через плечо:

- Помнишь, я тебе рассказывала, что подкупила женщину в распределительном центре? Помимо оружия, была еще куплена информация и небольшие инструкции. Теперь некоторые тайны этого места мне открыты.

Пошла следом за ней, перехватив лямку рюкзака, и чувствуя как немеет плечо от тяжести.

- Мишель, - нарушила я тишину шагов, глядя на затылок идущей впереди девушки. - А как вас отбирают? Вас хоть как-то заранее предупреждают, дают время собраться или это происходит скрытно?

Мишель замедлила шаг, тяжело вздохнув, и на секунду оглянулась через плечо.

- Предупреждают? - хмыкнула она, сплюнув на бетон. - Ты шутишь, Эл. Никакого расписания или предупреждений там отродясь не было. Система работает по своим законам.

Она снова отвернулась и продолжила путь. Я шла следом, жадно впитывая каждое ее слово.

- И как это выглядит на практике? - тихо спросила я.

- Внезапно, - голос Мишель стал глухим и холодным. - Черные фургоны могут приехать посреди ночи в любой сектор. Старики и дети сидят по своим домам, затаив дыхание, пока сканеры просвечивают стены. Люди просто исчезают. Могут забрать прямо из мастерской, прямо посреди смены на производстве, или выбить дверь в квартиру. Никаких объ-

яснений, никаких прав. Родным даже не сообщают, куда везут - просто ставят перед фактом или оформляют протокол о «штатной ротации кадров».

Я поежилась под плотной тканью комбинезона.

- А ты? Как забрали тебя и Алекса?

Мишель замолчала так надолго, что мне показалось, будто она вообще не ответит. Когда мы миновали проем разрушенной переборки, она глухо бросила:

- Нас схватили на выходе из склада запчастей. Даже опомниться не успели - скрутили какие-то громилы в глухой броне. А потом... в закрытом отсеке фургона нам вкололи какой-то препарат. Резкая боль в шее, темнота перед глазами - и всё. Никаких воспоминаний о дороге. Я очнулась уже в распределительном центре, и после ситуация повторилась. Второй раз уже здесь, на холодном бетоне этого проклятого полигона, с титановым браслетом на руке и первыми криками умирающих вокруг.

Её слова повисли в сыром воздухе. Я молча посмотрела на свой браслет. Мы обе были из разных миров - она из нищих кварталов, я из Верхнего Купола, - но Совет сломал нас одинаково, загнав в одну общую могилу.

Хотя... нет. Не Совет.

Дядя Роберт. Именно он, используя свои связи, отправил меня на этот полигон и постарался сделать так, чтобы я не вернулась. Предал, выбросил как мусор ради сохранения своей тайны.

Где-то на самом дне сознания отчаянно цеплялась за жизнь глупая, наивная мысль: нет, он не мог. Он же мой родной человек, тот, кто был моей семьей. Разум отчаянно сопротивлялся горькой правде, отказываясь принимать удар от того, кому я доверяла.

Мы выбрались из лесной чащи обратно на открытое пространство. Лес остался позади, а перед нами вновь раскинулся мертвый промышленный сектор: потрескавшийся бетон плаца, ржавые каркасы зданий и заброшенные отстойники. Низина между ними встретила нас странным туманом. Воздух мгновенно потяжелел, на языке появился сладковатый, медный привкус.

В следующую секунду тишину разорвал писк.

Наши титановые браслеты синхронно завибрировали, замигав красным. Звук резал уши.

- Что это?! - выкрикнула я, споткнувшись и едва не упав на арматуру. Паника накрыла мгновенно, сердце заколотилось в горле.

Мишель выругалась, резко схватила меня за плечо и дернула на себя.

- Радиация! Смотри на дисплей! - крикнула она, тыча пальцем в образовавшуюся в углу шкалы заражения.

Из-за обломков старой цистерны на нас шел плотный, зеленоватый туман. Он стелился по земле густой пеленой.

- Маски! Живо! - скомандовала Мишель, сорвав со снаряжения респиратор.

У меня от страха пальцы застревали в ремнях чехла. В висках уже застучала боль, во рту стоял металлический привкус.

- Не успеваю! - выдохнула я, задыхаясь.

Мишель, уже затянув фильтр, отбросила рюкзак, шагнула ко мне и дрожащими пальцами натянула маску на мое лицо, защелкнув ремни.

- Дыши через фильтр! Глубоко не хватай! - приказала она сквозь ткань.

Мы замерли за укрытием, часто втягивая воздух. Фон вокруг не был смертельным мгновенно, но остаточные дозы могли быстро вызвать лучевое отравление.

- Долго не просидим, - глухо бросила Мишель, выглядывая из-за плиты. - Видишь скелет крана метрах в тридцати? Бежим туда. На счет три!

Я судорожно кивнула и перехватила резак.

- Раз... два... три!

Мы рванули сквозь фонящую завесу.

Со всех ног мы неслись через отстойники, пока под ногами не загремели плиты плаца. Каркас крана возвышался впереди темной громадой.

- Сюда! За опору! - прохрипела я.

Мы влетели в укрытие и рухнули на бетон, задыхаясь. Браслеты наконец затихли, сменив алый свет на тусклое мерцание безопасной зоны.

Я со стоном прислонилась спиной к металлу.

- Держишься? - Мишель бросила на меня быстрый взгляд.

Я кивнула и потянулась к креплениям.

- Да... Пронесло.

Мы сорвали маски, жадно втягивая воздух. Кислород обжег саднящее горло.

Мишель вытерла пот со лба и огляделась. Вокруг простирались безмолвные руины мертвого завода.

- Первая проверка на прочность пройдена, - бросила Мишель.

Она попыталась подняться, но резко оперлась рукой о ржавый металл крана, прикусив губу. Лицо Мишель на секунду исказилось от резкой боли.

- Эй? - Я тут же поднялась на ноги, делая шаг к ней. - Что такое?

Мишель поморщилась и осторожно перенесла вес на другую ногу, пытаясь скрыть хромоту:

- Видимо неудачно приземлилась. Лодыжку подвернула. Наступать больно, но жить буду.

Я окинула взглядом ее ногу и покачала головой:

- Значит, скорость у нас упадет, нужно продумать маршрут. И срочно перевязать ногу, пока сустав не разнесло окончательно.

- Ничего, - Мишель криво усмехнулась, сжимая в руке карабин. - Дойдем. Просто теперь придется идти еще аккуратнее.

- Сиди тихо, - оборвала ее я, уже сбрасывая с плеч рюкзак.

Я лихорадочно стала рыться в вещах и вытащила оттуда запасной защитный комбинезон. Ткань оказалась плотной, абсолютно не предназначенной для того, чтобы ее рвали руками. Я вцепилась зубами в край у основания рукава и потянула изо всех сил, но материал лишь упруго пружинил, не поддаваясь. Ладони тут же заскользили.

Выругавшись сквозь зубы, я нашла слабые места на манжете, подцепила край ногтями и резким, отчаянным рывком потянула по шву. Нити со щелчком лопнули, ткань поддалась, и мне наконец удалось оторвать длинный, прочный кусок плотной материи.

Не слушая возражений Мишель, я опустилась на колено перед ней, бережно обхватила ее запыленную ногу и туго, надежно зафиксировала лодыжку импровизированной повязкой.

Мишель тяжело выдохнула, прикрыв глаза от резкой боли, но напряжение в ее плечах немного спало.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается от жалости. Смотря на её уставшее лицо, я цеплялась за единственную мысль: мы обязаны дойти и найти Алекса. Должно же нам хоть тут повезти.

- Передохнем еще пару минут и идем дальше,- Сказала Мишель.

Мы перевели дыхание, сделали по несколько жадных глотков воды из фляг и немного пришли в себя после пережитого шока. Сверившись с картой на браслете, мы вновь за-

тянули ремни рюкзаков, проверили оружие и уверенно шагнули на север, прокладывая путь сквозь лабиринт заброшенных промзон, где нас ждал Алекс.

Теперь порядок изменился: Мишель шла чуть позади, а я прокладывала путь впереди. Но стоило дороге расшириться или выровняться среди развалин, я замедляла шаг, выравнивалась с ней на один уровень, чтобы идти рядом.

- Эл, - нарушила Мишель тишину, - ты действительно считаешь, что там, за периметром Купола, вообще есть жизнь? Нам годами вбивали в головы, что за стенами - выжженная, мертвая пустыня, непригодная для дыхания и мне все еще сложно поверить в твои слова. Неужели это правда?

Вопрос Мишель задел за живое. В памяти всплыл тот вечер в кабинете отца, когда я открыла файлы. Казалось, с того момента прошла целая вечность, хотя прошло всего три дня.

- Я видела отчёты своими глазами, - тихо ответила я, глядя сквозь туман в пустоту. - Отец хранил их в скрытых папках. Сначала я думала, что это фальшивка. Но карты и анализы проб говорили об одном: всё реально. Земля за Куполом восстановилась. Там можно жить.

Мишель недоверчиво прищурилась, вглядываясь в мое лицо. В ее взгляде сквозило горькое неверие людей, всю жизнь проживших в неволе.

- И ты думаешь... мы вообще сможем когда-нибудь выбраться? Сможем ли мы дойти, или хоть кто-нибудь в этом проклятом мире узнает правду об истинных лицах тех, кто

это скрывал?

Я сжала пальцами лямку своего рюкзака, ощущая липкий холод в груди. Роберт. Его образ снова встал перед глазами - холодный, расчетливый, уверенный в собственной безнаказанности. Дядя сделал всё, чтобы мы сгинули здесь, на этой проклятой арене, унося с собой все секреты Совета. Но по мере того, как в голове складывались обрывки фактов, меня прошиб новый холодок. В реальности масштаб этого кошмара явно выходил за рамки полномочий одного человека. Как бы ни был влиятелен Роберт, он не мог в одиночку провернуть столь крупную операцию, обойти Совет и полностью контролировать смертельный полигон. За его спиной стоял кто-то еще - незримая, еще более могущественная сила внутри Совета или над ним. А это значило, что дядя - возможно лишь исполнитель или пешка в чужой игре. Чтобы выжить и разрушить эту систему, мне нужно было не просто спастись, а выяснить, кто на самом деле держит в руках нити этого эксперимента и зачем им это понадобилось. Отступать было некуда.

Мысли болезненно кольнули в самую глубь сознания, заставляя внутренне содрогнуться. Я панически боялась даже допускать эту мысль - боялась думать об отце, о том, что он действительно мог быть причастен ко всему этому кошмару. Ведь если следовать логике, всё сходилось слишком пугающе: файлы хранились в его личном, защищенном кабинете, а значит, он не мог о них не знать. Он видел их, изучал,

скрывал. И если дядя действовал рука об руку с системой, то получалось страшное: отец был причастен не просто к сокрытию правды от Совета. Если раскрутить этот клубок до конца, его молчание и соучастие прямо вели к смерти моей мамы. Она ведь тоже пыталась сопротивляться этой системе, пыталась открыть глаза... и погибла.

Внутри всё сжалось от тяжести осознания. Мне было нужно так много ответов - на сотни вопросов о прошлом, о семье, об этом мире. Но самую страшную, самую важную правду я уже знала наверняка.

- Не знаю, узнает ли весь мир, - ответила я твердо, глядя ей прямо в глаза. - Сейчас об этом думать рано. Нам главное - выжить и выбраться отсюда живыми. Всё остальное... будем решать строго по мере поступления проблем.

Мишель тяжело вздохнула, признавая правоту моих слов, но в ее взгляде все еще горел огонек любопытства, который не смогла вытравить система. Она помолчала пару секунд, а затем тихо попросила:

- Расскажи... Каково это - там, за Куполом? Как живут те люди, о которых ты читала?

Я прикрыла глаза, и перед внутренним взором ожили те самые снимки - заросшие зеленью долины, поселения. Внутри меня разлилось странное, теплое чувство, смесь тоски по несбыточному и надежда.

- Там совсем другой мир, Мишель, - заговорила я, едва слышно, - Представь себе обычные дома, построенные не из

титана и пластика, а из дерева и камня. Там люди живут целыми семьями. У них нет разделения и обязательных квот на воду и еду. Они сами возделывают землю, выращивают настоящие овощи и злаки, растят детей, которые никогда не слышали сирен тревоги. Они просто живут... полноценно, свободно, дымят кострами по вечерам и не боятся завтрашнего дня.

Я замолчала. Контраст между этой мирной картинкой из отчета и нашими обгорелыми, залитыми кровью руинами Полигона-09 был настолько оглушающим, что у меня на секунду перехватило дыхание. Но именно эта мысль - о том, что где-то там существует настоящий, живой мир - давала силы снова перехватить оружие и сделать шаг вперед.

Физическое истощение навалилось тяжелым грузом уже к исходу третьего дня. Наши организмы работали на пределе возможностей. Каждая мышца ныла от непрекращающейся боли, колени дрожали, а во рту прочно поселился горький, металлический привкус токсинов.

К наступлению вечера мы добрались до относительно безопасного укрытия - полуразрушенной диспетчерской старого железнодорожного узла, затерянного среди заросших путей. Дверной проем зиял пустотой, но толстые метровые стены из бетона надежно защищали от холодного ночного ветра и других возможных участников.

Мишель бесшумно опустилась на бетонный пол, сбросила с плеч тяжелый рюкзак и устало потерла онемевшие пле-

чи. Из глубокого кармана рюкзака она извлекла два серых герметичных брикета армейских сухпайков. Протянув один из них мне, она надломила свой и поморщилась от резкого, химического запаха.

- Удовольствие ниже среднего, но углеводы и солевой баланс держит намертво, - хмыкнула Мишель, с трудом прожевывая безвкусную белковую массу.

Я молча приняла брикет. В своей прошлой, безвозвратно ушедшей жизни в Верхнем Куполе я привыкла к совсем другой пище, поданной на фарфоровых тарелках под тихие звуки классических мелодий. Здесь же крошки сухой смеси забивались под треснувшие ногти, а еда казалась резиновой и пресной. И тем не менее, первобытный голод заставил меня подчиниться.

Мы сидели на холодном полу, прислонившись спинами к массивной стене, глядя через узкий оконный проем на то, как за мрачными силуэтами руин окончательно сгущаются сумерки. Ночь на арене наступала стремительно, принося с собой жуткую, звенящую тишину, которую время от времени разрывали далекий металлический скрежет, треск ломающихся веток и пугающие вопли ночных мутировавших хищников.

- Расскажи мне, - нарушила тягостную тишину Мишель, - Как это на самом деле - жить там, наверху? Мы с Алексом всю жизнь видели только трущобы, если не считать редких вылазок наверх за заказами. Для нас Верхний Купол всегда

был чем-то вроде недосягаемой сказки.

Я помедлила несколько секунд, сжав в холодных ладонях потертую флягу с водой. Внутри меня вновь поднялась волна тяжелых, удушающих воспоминаний, которые я так отчаянно пыталась заглушить безумным темпом выживания последних дней.

- Там невероятно тихо, Мишель, - голос прозвучал глухо, растворяясь в темноте. - Слишком тихо. Наверху все правильные, и говорят то, что положено. Но за этими словами ничего нет. Моя мама была биоинженером, занималась исследованиями и часто повторяла: человечество не может вечно прятаться за куполом, ведь мы не единственные выжившие. Она всегда была ученым до мозга костей - и при этом старалась оберегать меня от всего этого, прятала от чужих глаз, будто знала, чем всё закончится и была права во всем. Я часто её вспоминаю.

Я судорожно сглотнула подступивший к горлу ком, чувствуя, как защипывает в глазах.

- А потом случилась та ночь, - тихо продолжение я. - Официально Совет объявил о подавлении мятежа в нижних секторах. Сказали, что радикалы прорвали периметр комплекса и устроили взрыв. Мама оказалась там... по долгу службы. Но я помню серое от страха лицо отца, когда он вернулся с закрытого совещания. Он знал правду. Знал, что её убрали свои - просто потому, что она стала неудобной.

На меня всегда возлагали слишком много надежд. Отец

и Роберт буквально распланировали мою жизнь шаг за шагом: настаивали, чтобы я училась на госуправлении, готовили мне место в Совете. Это было мое гарантированное будущее. Ровно до того момента, пока я не залезла в отцовский терминал и не узнала правду.

Мишель повернула голову и посмотрела на меня долгим взглядом. В ее темных глазах исчезла привычная колючая настороженность, уступив место глубокому, выстраданному сочувствию.

- Мне тоже очень жаль, Эл. У меня у самой из близких остался только Алекс. Кроме него у меня никого нет, поэтому мне так важно его найти.

Она чуть заметно улыбнулась краешком губ, глядя куда-то перед собой:

- Я надеюсь, вы подружитесь. Он вечно ввязывался в драки, пытаясь защитить слабых... Просто душа нараспашку. Без него моя жизнь не имеет никакого смысла.

- Я тебя понимаю, хотя у меня никогда не было настолько близкого человека, не считая мамы. Был, правда, Дин - мой друг детства, но и его я потеряла. А с остальными родными, отцом и дядей, я почти не общалась… Они много работали. И все же я могу с уверенностью сказать, что отца я люблю.

Мишель с тихим вздохом опёрлась о стену и осторожно поднялась на ноги, стараясь не давить на травмированную лодыжку. Бросив тревожный взгляд в сторону, откуда донёсся звук далекого выстрела, она чуть прихрамывала ко мне.

- А что случилось с Дином?

Я помедлила несколько секунд, глядя под ноги. Воспоминания кольнули где-то под сердцем - давняя, затянувшаяся рана, о которой запрещено было даже вспоминать.

- Не знаю, - глухо ответила я, застегивая нагрудный ремень. - Он просто пропал год назад, и больше я его не видела.

Я подняла глаза на Мишель, чувствуя, как внутри поднимается горькая волна старой беспомощности.

- Я пыталась его искать, обивала все пороги, расспрашивала знакомых, но мне никто ничего не говорил - глухая стена. А когда я спрашивала у мамы... она тоже ничего толком не знала. Только испуганно качала головой и говорила, что нам лучше в это не лезть. И потом я научилась жить без него. Ну или мне так кажется.

Мишель тяжело вздохнула, сочувственно положив руку мне на плечо.

- В наших мирах всегда так, Эл, кто задает слишком много вопросов или начинает копать там, где не положено, просто исчезает. Система умеет заметать следы.

Мы замолчали. Между нами повисло хрупкое, но прочное понимание. Пропасть, разделявшая элиту Верхнего Купола и бесправные трущобы, внезапно сузилась до размеров этого темного клочка земли среди безмолвного леса и двух людей, которые когда-то потеряли близких.

Я прикусила губу до боли, сдерживая готовые сорваться слёзы. От воспоминаний внутри всё сжималось и горело,

но я не позволяла себе раскиснуть - истерика сейчас была непозволительной роскошью. Я вовремя остановилась, глубоко вдохнув сырой воздух, и смахнула набежавшую влагу с ресниц. Нам обеим хватало собственной боли, чтобы не начинать ворошить прошлое еще и здесь.

- Отдыхай, - Мишель поднялась на ноги, бросив быстрый взгляд на светящийся циферблат браслета. - Завтра нас ждет тяжелый переход. И запомни: с самого рассвета мы меняем режим.

Я удивленно приподняла брови в полумраке: - В смысле меняем?

- В самом прямом. То, как ты рефлекторно ударила парня в руинах - чистая случайность и выброс адреналина. В следующий раз удача отвернется от тебя. У тебя есть неплохие базовые рефлексы и острый ум, но ты двигаешься как танцовщица элитной академии, а не как боец.

Я невольно хмыкнула и качнула головой, не сдержав короткого смешка: - Ну знаешь, не настолько же всё плохо.

Мишель едва заметно улыбнулась уголками губ, переводя дыхание: - Не настолько, конечно. Но потренироваться лишний раз точно не помешает.

Я опустила взгляд на её затянутую в ремни обувь, вспомнив недавнее падение, и тихо спросила: - Как твоя нога?

Мишель чуть пошевелила ступней, проверяя ощущения, и кивнула: - Уже лучше. Не перелом - и то хорошо.

Она окинула взглядом сгущающиеся сумерки и высокие

кроны деревьев, смыкающиеся над нашими головами. Осенний воздух был прохладным, но терпимым - погода позволяла обойтись без капитального укрытия. Рисковать и идти в темноте через опасные промышленные зоны было бы безумием.

- Дальше в темноту соваться нет смысла, - подытожила Мишель, снимая с плеча рюкзак. - Остаемся здесь на ночевку. Передохнем до рассвета, а утром двинемся к развязке.

Я молча кивнула, опустилась на сухую хвою у подножия раскидистого дуба и прислонилась спиной к коре. Небо сквозь ветки постепенно темнело, усеиваясь редкими холодными звездами. Мы разожгли костер, и устроились рядом, деля на двоих скудный паек. Окружающий лес казался живым и полным шорохов, но после всего пережитого это ночное затишье впервые за долгое время принесло странное, хрупкое ощущение относительной безопасности.

Глава 9.

21 июня 147 года Н.Э. 1 год назад.

И этот город замер без тебя, В бессмысленном, холодном забытьи. Осколки дней на сердце, не скупясь, Сгорают в этой выжженной тиши.

Гудки в трубке казались бесконечными. Один, второй, пятый... Затем сухое щелканье автоответчика:

«Абонент в сети не зарегистрирован».

Я сбросила вызов и набрала номер Дина снова. Пальцы дрожали, едва попадая по сенсорным клавишам. Дин никогда не отключал коммуникатор. Даже когда просыпал утренние пары или запирался в лаборатории - он всегда отвечал.

Вчера он впервые не появился на занятиях. Сегодня его место в аудитории пустовало.

Не дождавшись ответа, я выскочила из Академии и вызвала такси. Через двадцать минут я уже бежала по аккуратной мощеной дорожке к дому Дин.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла его мать. Ее обычно подтянутое, безупречное лицо выглядело серо-бурым от усталости, а под глазами залегли глубокие тени.

- Элизабет? - ее голос прозвучал глухо.

- Тетя Анна, где Дин? - выдохнула я, переступая порог. - Он не отвечает на звонки, его не было на парах. Что произошло?

В гостиную вышел отец Дина. Он выглядел не лучше: растерянный, постаревший за одну ночь, он беспомощно перебирал какие-то бумаги в руках.

- Нам не удается найти его, Лиз, - тихо сказал он, избегая моего взгляда. - Он не вернулся домой прошлым вечером. Мы ищем его уже сутки. Система отслеживания молчит. Словно... словно его никогда и не было в городе.

Эти слова прозвучали как удар под дых. Воздух мгновенно вылетел из легких.

- Как это - не было? - мой голос сорвался на крик. - Это же Верхний Купол! Здесь на каждом шагу сканеры и камеры! Напишите заявление в Службу Безопасности, поднимите архивы камер!

- Мы... мы пытались, - перебила Анна, и в ее голосе проскользнула непривычная фальшь. Руки ее дрожали.

Я выбежала из их дома в полном шоке. Паника накрыла с головой. Я бежала по улице, на ходу безостановочно отправляя Дин сообщения, записывая хаотичные голосовые, сбрасывая и снова набирая его номер. Экран телефона светился строчками неотвеченных вызовов:

«Дин, возьми трубку, пожалуйста».

«Дин, где ты? Ответь! Это не смешно!»

«Позвони мне!»

Мир вокруг рушился. Я поехала к своему отцу, вбежала в его кабинет, задыхаясь от слез:

- Папа, Дин пропал! Его ищут сутки! Сделай что-нибудь,

помоги мне!

Отец лишь растерянно поджал губы, поднявшись из-за стола. На его лице читалось искреннее неведение, смешанное с беспомощностью:

- Лизи, я правда ничего не знаю... Мне уже звонили его родители. В реестрах происшествий ничего нет. Если Служба Безопасности молчит, я бессилен.

Отец больше ничего не сказал. Как бы я ни умоляла его снова и снова, как бы ни билась в глухую стену его молчания, он лишь отводил взгляд. Я видела в его глазах глухую боль всякий раз, когда я плакала перед ним, но он был полностью связан по рукам и не мог сделать ничего.

Тогда я бросилась к дяде. Но реакция человека, имеющего вес в Совете, оказалась еще страшнее. Дядя даже не поднял на меня глаз, продолжая разглядывать документы:- Элизабет, прекрати этот шум, - строго, но с едва уловимым предостережением произнес он. - Тебе не следует в это влезать. Забудь о его поисках и занимайся учебой. Это не твое дело.

Он тоже закрыл эту тему раз и навсегда. Больше от него не удалось добиться ни слова, ни намека - любые мои попытки возобновить разговор натыкались на ледяную стену полного игнорирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.